

Валерий Воскобойников

ДРУГАЯ ОСЕНЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

32 коп.

Валерий Воскобойников

ДРУГАЯ ОСЕНЬ

повести

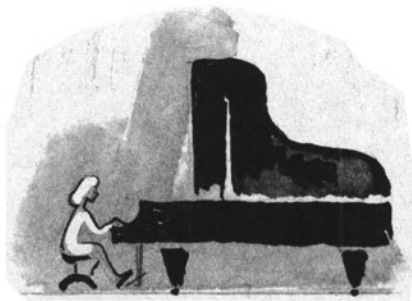

Рисунки Ю. Данилова

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ЛЕНИНГРАД 1969

В этой книге напечатаны две повести. Герои повести «Другая осень» — дети семьи конструктора Кострова. Их трое: два мальчика и девочка. О первой дружбе, о первой привязанности, о первых серьёзных проступках, о том, как человек начинает осознавать чувство ответственности за себя и за своих близких, рассказывает автор.

Сложна и необычна жизнь Саши Карамзина, героя повести «Не хочу от вас уезжать». Много передумал Саша, многое понял в жизни, оценил чувство радости от общения с друзьями. Саша становится пионером, и он понимает: заслужить доверие товарищей не просто.

ДРУГАЯ
ОСЕНЬ

В этот день

В этот день ещё один космический корабль улетел в далёкий космос.

А Гриша Костров получил первую в жизни двойку.

В этот день герой труда Николай Симеонов сделал в подземном тоннеле испытательный рейс к новой станции метро.

А Галя Кострова пошла в магазин, купила полкило камбалы для дрессированного кота Тиграша, но эту камбалу отнял у неё хулиган Кармен.

В этот день папу Кострова выбрали председателем цехового комитета.

В этот день мама Кострова сдала ещё один зачёт в заочном институте; институт этот она давно уже кончает — и всё ей никак не кончить.

А Серёжа Костров снова увидел девочку с красным шарфом и пошёл за нею, сначала по Невскому, потом по Полтавской, а там она села в трамвай, трамвайные двери закрылись автоматически, и Серёжа долго стоял один около пустых рельс.

Кармен и камбала

Это хорошо, если у тебя есть старший брат, который защищает от незнакомых и злых людей.

А если старший брат где-то ходит после школы весь вечер, а придя домой, сам оказывается злым? Кто тогда защищает тебя? Не говорить же родителям обо всём, что случилось?

Галя не помнит, где и когда впервые её увидел Кармен. Не очень-то ей нужно и знать.

Может быть, это он сидел рядом на воскресном кино-утреннике и больно толкался. А может быть, это был другой.

Может быть, это он поймал их домашнего дрессированного кота Тиграша и чуть не покрасил его красной пожарной краской, хорошо, тётя Надя — дворник — успела вовремя.

А может быть, это был не он.

Но однажды Галя несла из магазина камбалу всё для того же кота Тиграша. Камбала, обернутая бумагой, лежала в сетке. И ей, Гале, навстречу из-за угла вышел этот Кармен. Он вышел, встал перед нею молча и засвистел хулиганскую песню. Галя шагнула в сторону, и Кармен шагнул в сторону. Галя сделала шаг назад, и Кармен тоже шагнул, только вперёд.

Тогда Галя уронила сетку с камбалой, повернулась и побежала вокруг дома. В этом доме был физкультурный техникум. В этом доме было несколько выходов, все они соединялись внутри, но о них мало кто знал из посторонних людей.

Галя вбежала в ту дверь, которую ночью и днём охраняли каменные спортсмен со спортсменкой, и выбежала через ту, из которой выходили сытые люди, пообедавшие в столовой. Эта дверь открывалась в Галин двор. Кармена во дворе не было. Он, конечно, ходил около каменных спортсменов.

Оставалось пробежать вдоль стены физкультурного техникума, перебежать через узкий проезд и вбежать в свою парадную.

Так Галя и сделала.

Дома был один Гриша. Он читал книгу.

Галя не сказала никому ни о камбале, ни о сетке и, конечно же, не сказала о Кармене.

Кота пришлось накормить своей котлетой.

В этот день Галя ещё не знала, что Кармена зовут Кармен. Просто это был незнакомый опасный человек с блестящими медными пуговицами на пиджаке.

Только через день она узнала его имя. Может быть, это было не имя, Галя никогда таких имён не слыхала. Это могла быть фамилия. А может быть, Кармен было прозвище.

Один известный адрес

От Московского вокзала сюда можно приехать на троллейбусе, а можно и на автобусе. Можно на метро. Можно даже на трамвае доехать, но трамвай запутает вас поворотами, поплетётся в объезд, поэтому я советую на троллейбусе.

Остановку называют Площадь Александра Невского. Это просторная площадь, рядом Нева и мост, но вам придётся идти на кладбище. Через арку, между каменных стен по булыжникам, в Александро-Невскую лавру. Из-за стен выглядывают каменные кресты, высокие памятники и склепы. Здесь похоронены знаменитые люди. За стеной слева лежит Ломоносов Михаил Васильевич. Двести лет его знает каждый грамотный русский. Справа — поэт Крылов. Это он сто пятьдесят лет назад сочинил «Вороне как-то Бог послал кусочек сыру...» — басню, которую с тех пор учат все школьники наизусть. Когда-нибудь в выходной день вы посетите знаменитое кладбище. Но сегодня придётся пройти мимо, потом перейти мостик, на котором написано «Лавровский мост № 1», и, не входя в музей, где похоронен полководец Суворов, вступить в берёзовую аллею. На пути будет церковь, в ней тоже прах знаменитого человека — князя Александра Ярославича Невского, потом ещё одно кладбище, на котором лежат наши советские герои. Вот памятник — человек с ружьём, пропеллеры, звёзды. И мимо памятников героям вы пройдёте сегодня, отдав им поклон.

Наконец вы войдёте во двор. Слева — трёхэтажный дом, справа — два двухэтажных. Вы поняли, куда я привёл вас?

Посмотрите: у дальнего двухэтажного дома под молодыми тополями сидит толстый молчаливый зверь. Это — дрессированный кот Тиграш.

А ещё в двухэтажном доме, в квартире пятнадцать живут Костровы. А рядом с ними тётя Надя — дворник. А на втором этаже — старик Бовин.

По двору бегают здоровые молодые люди в спортивных костюмах. Все они учатся в физкультурном техникуме.

А Серёжа учится у них приёмам самбо.

Двойка Гриши Кострова

Гришу Кострова посадили вместе с нерыхой Саней Куницыным. С Куницыным за месяц уже посидели двое, и обоих он сделал нерыхами. Теперь посадили Гришу.

Куницын постоянно шмыгал носом. У Куницына были постоянно грязные руки. Утром его приводила бабушка, и он был чистым. Его проверяли санитары и ставили в списке плюс.

Но к последнему уроку он успевал наставить кляксы на руки, а иногда и на щёки. Ещё он находил где-то разную грязь. Локти пачкал мелом, перемазывался в смоле. Однажды, когда его решили оставить на перемену в классе, он и в классе нашёл ржавое место у труб и перемазался в этой ржавчине.

Гриша отсидел с Саней Куницыным первый урок. На первом уроке Куницын был чистым.

Но потом, когда все писали букву «л», две строчки, Куницын в середине листа сделал большую кляксу. Он не промокнул её, а захлопнул тетрадь и провёл по обложке кулаком.

Потом снова раскрыл и показал Грише, какая интересная получилась на листе фигура. Как жук. Толстый жук отпечатался на обеих страницах.

Тогда Гриша отвинтил колпачок у ручки и тоже поставил две кляксы. Как Куницын, он так же захлопнул тетрадь и нажал кулаком на обложку. Получился не жук, а бабочка. Бабочка с усиками.

За эту бабочку Гриша получил двойку. Двойка тоже была почему-то с усиками.

— Саня Куницын — он всегда нечаянно ставит кляксы, и ему поэтому три с двумя минусами, — сказала Маргарита Львовна, учительница, — а тебе, Гриша, два. Серёжа, твой брат, никогда не рисовал специальных клякс.

Она любила вспоминать про Серёжу, потому что учила его когда-то целых четыре года.

Снова Кармен

Гриша думал, что Галя сразу увидит его заплаканное лицо и поймёт про двойку.

Но Галя не заметила.

Она заглянула в комнату продлённого дня, где Гриша ждал Галю весь четвёртый урок, и встала около дверей. А Гриша нарочно собирался не торопясь, чтобы она всё-таки увидела его заплаканное лицо.

Гриша не знал, что около школы уже минут десять ходит Кармен — и Галя от этого переживает.

На улице Галя взяла Гришу за руку, хотя всегда ходила просто рядом.

— Пойдём быстрее, — сказала она.

Кармен шёл по другой стороне улицы, свистел свою хулиганскую песню и не сводил с них глаз.

Гриша о Кармене ничего не знал. Он всё думал, как сказать Гале про двойку, и тяжело вздыхал.

Они обошли площадь по тротуару, и Кармен тоже обошёл площадь, только с другой стороны.

Они прошли под арку, и Кармен тоже прошёл за ними.

У мостика через Монастырку, где написано «Лавровский мост № 1», рабочие рыли землю. Прохожие стояли около них и смотрели в яму. Кармен тоже остановился, чтобы посмотреть в яму. И тут Гале удалось скрыться.

Она потянула Гришу по берегу под мост. Гриша и сам знал этот ход. Так ходят мальчишки на четвёртое кладбище Лавры — на Никольское, если чугунные его ворота «закрыты на просушку».

Галя и Гриша постояли несколько минут под мостом. Они подышали мокрыми гнилыми запахами от воды и от старых плесневелых досок. Потом над их головой тяжело зашумело — это проехала по мосту машина.

— От кого мы приедем-то? — наконец решил спросить Гриша.

— Тихо. Он стриженный, и пуговицы блестят.

Гриша одним глазом выглянул из-под моста и никакого такого стриженного человека не увидел.

Видимо, Кармен, отойдя от ямы, посмотрел на мост и, не найдя Галю, побежал к музею полководца Суворова, потом, решив, что она ушла вперёд, по берёзовой аллее.

И тогда они тоже выбежали из-под моста и, пригнувшись, побежали по низкому берегу вдоль кирпичной стены с обвалившейся штукатуркой.

Потом они прошли по кладбищу, по дороге отломали несколько крупных игл от куста боярышника и вышли через большие ворота, которые сегодня были открыты.

Гриша несколько раз ходил на разведку, но Кармена нигде не видел.

Они благополучно вошли в свой двор, и только здесь Гриша вспомнил, что у него в тетради под чернильной бабочкой-кляксой стоит красная двойка с усиками.

Они шли, смеялись, и Гриша вдруг вспомнил.

— Ой, а я двойку получил, — сказал он и тут же улыбнулся, хотя было ему уже не смешно.

Галя сначала не поверила, и тогда Гриша подставил ей спину, она открыла ранец, не снимая его, взяла тетрадь и нашла ту усатую двойку.

— Ты глаза натри. Натри сильнее их ладонями, а то вид у тебя радостный, — посоветовала Галя, укладывая тетрадку назад.

— Может, ты скажешь? — попросил Гриша.

— Нет уж. Сам получил, сам и докладывай. Ты, главное, лицо расстроенное делай, чтобы мама видела, как переживаешь.

И они вошли в дом.

Старик Бовин

— Это улица, это всё улица! — сказала мама Кострова, узнав про двойку. — У тебя есть брат, у тебя есть сестра, и гуляйте втроём, вместе, кто вам ещё нужен! Серёжа, — сказала ещё мама, — первую двойку получил в третьем классе, и весь день он до вечера плакал. Галя двоек вовсе не получала. А ты? Месяц лишь проучился!

— Ты скажи «больше не буду» или что там ещё полагается, — советовала шёпотом Галя.

Но Гриша никак не мог это сказать. Он просто молчал. Молчал, слушал и вздыхал иногда.

— Гулять ты сегодня не пойдёшь, — решила мама.

Но позже, когда он сделал все уроки, когда пришёл папа и тоже попереживал из-за двойки, а потом ушёл в маленькую комнату к своим самолётным моделям, Гришу отпустили наверх к старику Бовину.

Старик Бовин жил на втором этаже над квартирой Костровых. Он любил шагать по комнате, и Гриша вечером, лёжа в постели и глядя в потолок, часто слышал его шаги.

Старик Бовин ушёл недавно на пенсию. Ему подарили почётную грамоту и красивый альбом с видами иностранных столиц.

В чужих столицах Бовин никогда не был, а всю жизнь прожил в комнате над Костровыми.

Иногда он рассказывал Грише случаи из своей жизни. То вдруг о наводнении заговорит, то о блокаде и о бомбах-зажигалках, пробивающих крышу и горящих на чердаке. Больше всего старик Бовин любил рассказывать о работе. Его должность называлась — дегустатор.

— Есть дегустатор по винам, — говорил старик Бовин, — он пробует на вкус вина и даёт им оценку. Есть дегустатор по пище, по колбасе, например. А я — дегустатор по зубной пасте. Любой вид зубной пасты отличу я зубами и кончиком языка. Главное — это на щётку положить пасты как раз сколько нужно. И щётку тоже лучше специальную.

О зубных пастах старик Бовин мог рассказывать увлечённо, словно о путешествии в Африку.

А ещё он клеил из бумаги фигурки. И не только фигурки — город клеил, деревню, реку и лес по бокам, а однажды клеил горы Памир.

— Это же так просто, — учил он Гришу, когда тот к нему приходил, — прямая линия, ещё прямая, а теперь — кружок.

И Гриша по секрету клеил для Гали Дворец Советов ко дню Восьмого марта, а может быть, к Новому году.

Вот для этого он и ходил к старику Бовину каждый вечер, а не для того, чтобы играть в шашки, как он объяснял маме и всем.

И снова Кармен

Утром в воскресенье в доме не стало хлеба. Вернее, хлеба не стало ещё вечером, когда мама принесла его, тёплый и мягкий каравай, и весь этот хлеб съели зараз.

Серёжа встал рано, чтобы сидеть у окна и молча смотреть, как летают по двору листья.

Гришу в булочную не посылали.

Пришлось собираться Галя.

— Ещё купи песку и масла топлёного, — сказала на прощание мама, — и пальто застегни.

Мама закрыла дверь, а через минуту — стук.

Это была Галя.

— Я сетку забыла.

Галя прошла в кухню, простояла там несколько минут и снова ушла.

И сейчас же снова постучалась назад.

— Ты что? — удивилась мама, потому что Галя тяжело дышала, словно успела пробежать уже километр.

— Да я... — сказала Галя растеряннo, — я деньги забыла.

А на самом деле по двору ходил Кармен. Встал в такую рань, чтобы прийти к Гале во двор. И Галя, как видела его, так бежала назад в квартиру. А Кармен ходил кругами, не прячась, около парадной, и его было не обойти.

— Как же ты забыла, если деньги у тебя в руке? — спросила мама.

— Я помру с голоду, — крикнул папа из комнаты, — или сам сейчас соберусь!

— Нет-нет, я уже пошла, — испугалась Галя.

— И больше не возвращайся! — это сказала мама, закрывая в третий раз дверь.

И Галя вдруг ужасно разозлилась на этого Кармена. Она пошла по коридору к парадной, громко топая, а потом звучно стукнула уличной дверью.

Кармен стоял к ней спиной. Галя со злостью взглянула ему в спину, и когда он повернулся, посмотрела ему в глаза.

Так, ни слова не говоря, она и пошла на него, глядя в глаза не мигая. И он не засвистел, как обычно, хулиганскую свою песню, он вдруг сам отвёл взгляд, потом шагнул к стене, повернулся лицом к выбеленной штукатурке и стал делать вид, будто рисует на этой стене.

А Галя прошла мимо, глядя вперёд, только вперёд, высоко подняв голову, ни на что не отвлекаясь и чётко делая шаг.

Когда она возвращалась назад, Кармена во дворе не было.

Девочка Оля Сорокина

На киноутреннике можно встретить знакомых со всех соседних школ, с кем был в лагере или на городской летней площадке.

С двух сторон по Невскому к кинотеатру «Призыв» шли, бежали, перебегали из кучки в кучку мальчики и девочки разных дворов.

Гриша, Галя и Серёжа Костровы пошли вместе. Папа Костров дал Серёже бумажный рубль, чтобы, кроме билетов, они купили бы ещё и мороженое. Им невольно теперь пришлось идти вместе.

В это воскресенье перед началом фильма на втором этаже играл духовой оркестр.

Он играл военные марши, и всем людям, только ещё входящим в вестибюль, показывающим контролёру билет, всем этим людям хотелось топтать в такт музыке, размахивать руками, куда-то маршировать. И они поднимались по

лестнице на второй этаж чётким солдатским шагом, а там, наверху, они вдруг удивлялись: за трубами, за басами, даже за барабаном сидели пионеры, нормальные школьники.

Оркестром управлял высокий человек с длинными развевающимися кудрями. Он низко пригнулся, притоптывая ногой, сильно махал руками, а пионеры-оркестранты сидели с серьёзными непроницаемыми лицами.

Серёжа купил три порции мороженого. Костровы поднялись на второй этаж и сразу разошлись. Серёжа увидел своих одноклассников и пошёл к первому ряду. Галя увидела знакомых девочек и осталась в конце. Гриша никого не увидел и встал рядом с Галей.

Все сидели, слушали духовую музыку. У кого было мороженое — тот ел мороженое. А кто не ел — тот смотрел по сторонам.

Когда оркестр смолк, Серёжа увидел девочку с красным шарфом. Она стояла почему-то на сцене, пряталась за занавес и была сейчас не с шарфом, а просто в школьной форме — в платье и в белом переднике.

Серёжа хотел вскочить и убежать, чтобы она не увидела его так близко. Он ведь сидел в первом ряду. Хотел спрятаться где-нибудь, но так и остался на стуле, потому что длинный дирижёр поправил волосы, повернулся к Серёже лицом и сказал:

— А сейчас выступит пианистка Оля Сорокина.

Если бы Серёжа побежал, всем бы стало ясно, от кого он убегает, и поэтому он остался сидеть.

Все захлопали, девочка подошла к роялю, села, подвинув под себя стул. Дирижёр открыл перед нею ноты. Она взглянула в зал, и Серёжа почувствовал, как и на него она тоже поглядела. Он этого не видел, просто почувствовал. Он сидел пригнувшись, лицо закрыл ладонями, как будто зевал, и глаза тоже спрятал. Так он просидел, закрывшись, в своём первом ряду до тех пор, пока девочка не закончила игру и не ушла за занавес.

Кто же такой Кармен?

Вечером Галя включила радио и вдруг услышала хулиганскую песню. Эту песню по радио пел артист, эту песню играл оркестр. Эту песню всегда свистел Кармен. Галя быстрее выключила радио: вдруг подумают, что она любит слушать хулиганскую музыку. Потом, минут через двадцать, она снова включила, и диктор вдруг сказал:

— Мы передавали оперу «Кармен».

А потом он стал говорить дальше — обычные слова.

Радио у Костровых стояло на полке в большой комнате. Сейчас в этой комнате сидел ещё Серёжа. Он читал книжку. Вернее, он не сидел, а полулежал на диване.

Галя посмотрела в зеркало. В зеркале отражался Серёжа. Нет, в самом деле читает, не подслушивает, что она там делает.

Галя походила вокруг него, не решаясь спросить про Кармена.

Но вот он перевернул страницу и потянулся.

— Про какого Кармена опера, а? — спросила вдруг Галя.

— А кто это Кармен? — удивился Серёжа.

— Ну, хулиган такой.

— Хулиган? Про хулиганов оперы не пишут. Не знаю я Кармена.

«Может, мне послышалось? — подумала Галя. — С чего это вдруг про Кармена и опера. А как же песня? Его же песню пели».

Гриши дома не было. Он пропадал у соседа сверху, у старика Бовина. В маленькой комнате папа делал модель самолёта. Он не любил, когда ему мешали работать.

Галя пошла на кухню. На кухне мама варила бульон. Ещё она чистила картошку.

— Помогать пришла? — спросила мама и подвинула Гале миску с грязной картошкой.

— Мама, — спросила Галя, — про хулиганов пишут оперы?

— Хулиганов сдают в милицию. — Мама подошла к бульону и стала снимать пену.

— «Кармен» — это про кого опера? — снова спросила Галя.

— Кармен? Где ты слышала?

Галя смутилась и подумала: вдруг ей в самом деле слышалось.

— По радио... — сказала она неуверенно.

— Такая опера есть, — мама немного помолчала, — но тебе ещё рано про неё знать.

Больше мама ничего не сказала. Резала овощи, резала картошку, которую чистила Галя, а разговор не продолжала.

И Галя тоже не стала больше расспрашивать.

Одно стихотворение

Однажды Серёжа написал стихотворение. Сидел, сидел и вдруг написал.

Но сначала об орхидеях.

Орхидеи растут в тропиках, там, где всегда тепло и сыро. Это редкие растения, и за ними в прошлом веке отправлялись бригады охотников. Так и называли тех людей — охотники за орхидеями. Многие богатые люди Европы хотели видеть в своих домах орхидеи и платили за них большие деньги. Дороже стоили те растения, которые почти не имели корней. Они могли присосаться к стене, к потолку, к оконному стеклу, а всю пищу и влагу брать из воздуха листьями. А потом они распускались удивительными цветами. Вот какие редкие растения — орхидеи. Конечно, такие дорогие цветы могли разводить лишь очень богатые люди. Но произошла Великая Октябрьская революция, и вот выращиванием орхидей стал заниматься простой советский школьник — Серёжа Костров. Он выращивал их в школьном ботаническом кружке.

Выращивать орхидеи нелегко. Например, не все знают, что есть орхидеи, которые питаются мухами. Осенью, когда было ещё тепло, мухи летали всюду и доверчиво попадались в руки. А зимой? Зимой Серёжа обходил вокзалы, папа Костров звонил знакомым, весь класс искал мух для Серёжи.

Серёжа завёл специальный коробок, и ежедневно кто-нибудь клал туда аккуратно завернутую в бумажку муху. А однажды папин знакомый привёз несколько комаров. Вот был настоящий праздник!

И орхидеи сумели прожить всю зиму.

На показательной выставке Серёжины орхидеи заняли третье место, об этом написано в грамоте, которая висит на стене в большой комнате. Все гости, приходя к Костровым, сразу читают эту красивую грамоту, вставленную в специальную рамку под стекло. А рядом — папина грамота за соревнования по самолётным моделям.

И вдруг Серёжа написал стихотворение. Сидел-сидел, грустно ему было, и он неожиданно написал:

Я сижу у окна,
Где-то ходит она.
Бьётся дождь на окне,
Я сижу, как во сне.

Почему Серёже было грустно

Девочку в красном шарфе Серёжа встретил случайно.

Летом Костровы были на даче в посёлке Разлив. Близко от того места, где когда-то в исторические времена скрывался Владимир Ильич Ленин.

Лето кончилось, и Костровы поехали домой. Они ехали на грузотакси. В кабине сидели мама с Галей, а мужчины ехали в кузове. В кузове ехали ещё раскладушки, стол, стулья, матрасы и всякие вещи. Мужчины: папа Костров, Серёжа и Гриша — сидели на мягких матрасах обнявшись и пели солдатские песни.

Один раз шофёр даже остановил машину, потому что они громко топали ногами по кузову в такт песне.

Приехали в Ленинград, проехали по улицам мимо трамваев и удивлённых прохожих, подъехали к дому, остановились. Все вышли из машины и стали вытаскивать вещи. Им на помощь выбежала из дома тётя Надя — дворник. Она очень обрадовалась Костровым и всех перецеловала.

И вот, когда вещи стояли у парадной, шофёр получил с папы деньги, сказал «спасибо» тронул машину, мама Кострова спросила папу:

— Ты не забыл ключ?

— А ты не забыла? — ответил папа.

Мама сказала:

— Я не шучу.

— Я тоже не шучу, — подтвердил папа.

Они оба не шутили.

Ключи от квартиры остались на даче. Они висели на специальном гвоздике, и папа подумал, что возьмёт их мама, а мама — что возьмёт папа.

Так получилось, что Серёжа впервые в жизни поехал один в поезде, назад на дачу, в исторический посёлок Разлив.

Поезд был обычной электричкой, и ехать до посёлка было меньше даже, чем в троллейбусе от кольца до кольца — сорок минут, но всё же это было загородное железнодорожное путешествие.

Серёжа подошёл к даче и увидел хозяев, с которыми совсем недавно простился.

Хозяева громко говорили друг с другом и Серёжу не замечали.

И он ходил вокруг дачи минут пять, не решаясь войти.

Потом открыл, наконец, калитку, и когда хозяева его увидели, вдруг странно заулыбались.

Серёжа тоже улыбнулся и тихо сказал:

— А мы ключ оставили.

Хозяева продолжали стоять на месте и только смотрели удивлённо то на Серёжу, то друг на друга.

Потом хозяйка пошла всё-таки в дом, за нею пошёл Серёжа; в комнате хозяйка сняла ключи, которые спокойно висели на гвоздике, и во второй раз за этот день Серёжа стал прощаться.

В первый раз хозяева его целовали и звали в гости, а сейчас они коротко сказали ему прощальные слова и сразу отвернулись.

На электричку Серёжа едва успел. И вот тут-то он увидел девочку с красным шарфом.

Она тоже ехала одна. Рядом на полу лежали большие олени рога. Серёжа и девочка сидели друг против друга у окна и смотрели в это окно.

И как-то нечаянно получилось, что они встретились глазами.

И потом все сорок минут они не разговаривали друг с другом, нет. Только иногда Серёжа поворачивался к девочке, и она сразу отводила глаза, потому что разглядывала его. Потом наоборот: он смотрел на неё, и когда она поворачивалась к нему от окна, он отворачивался и начинал суетиться, делать что-то руками, хватал себя за нос, стучал по стеклу пальцем.

Потом они вышли из вагона, и Серёжа забыл про неё. Кругом было много людей, все толкались, кто-то больно наступил ему на ногу.

И вдруг они снова оказались в одном вагоне, в метро. Девочка сидела в конце вагона, и рога, как и раньше, были рядом с нею. В вагоне стало тесно, Серёжу притиснули прямо к рогам, а ему стало вдруг стыдно: получалось, что он, Серёжа, как бы преследует девочку.

Мало того: даже наверх на эскалаторе они поднимались рядом. Первой ехала девочка, а ниже стоял Серёжа. И всё случайно, нечаянно.

Видимо, девочка с красным шарфом жила где-то недалеко. Серёжа часто встречал её. Она его не узнавала, а он шёл за ней следом, заходил в магазины, останавливался на улице, если останавливалась она. Однажды она заняла длинную очередь в кассу, а он всё это время рассматривал колбасу за витриной, так что на него подозрительно стали оглядываться.

А вечером, особенно когда шёл дождь и Серёжа был дома один у окна, он вдруг вспоминал ту девочку — и становилось ему грустно.

В один такой вечер он и написал стихотворение.

Поручение

Раньше у Гали была подруга — Наташа. Наташа жила в том же дворе рядом с физкультурным техникумом и училась в Галином классе. Утром они вместе уходили в школу, днём вместе шли домой, и поэтому дружили. Они дружили два года.

А теперь Наташа переехала на Гражданку, в новый район, и Галя с тех пор её не видела.

Теперь Галя ходит в школу с Гришей. А на парту к ней посадили Ковалёва.

Ковалёв — самый длинный ученик в классе. Он ростом почти с учительницу Жанну Дмитриевну. Он любит молчать на уроках, и Галя молчит тоже. Поэтому их парта самая тихая.

Через месяц, в годовщину Октября, Галю и Ковалёва примут в пионеры. У них почти весь класс примут, потому что их класс — лучший среди всех третьих в школе, а ещё, наверное, потому, что Жанна Дмитриевна — завуч начальных классов. Жана Дмитриевна очень строгая. У неё есть даже свой кабинет, где на двери так и написано: «Кабинет завуча начальных классов Манякиной Ж. Д.». В этот кабинет всегда страшно входить.

Для того чтобы Галю приняли в пионеры, ей нужно выполнить поручение. Галя и ещё две восьмиклассницы будут ухаживать за больной пенсионеркой.

Больная пенсионерка живёт в доме на углу Невского и Профессора Ивашенцева. Из этого дома снизу можно увезти себе на квартиру рояль или пианино и играть на нём сколько хочешь напрокат, только деньги плати каждый месяц. Там висит вывеска: «Ателье проката музыкальных инструментов». А некоторые, у кого мало жилья или соседи не любят музыку, ходят в это ателье сами. Там, говорят, есть специальные комнаты для игры на пианино.

И вот прямо над музыкальным ателье, на шестом этаже живёт больная пенсионерка. Этот дом показали Гале восьмиклассницы. Сюда Гале нужно ходить и оказывать пенсионерке помощь.

— Приходи сегодня в три, мы там будем, — сказали восьмиклассницы Гале.

И Галя отвела Гришу из школы домой, пообедала вместе с ним, а потом пошла выполнять поручение.

Кармен в лифте

Галя вошла во двор, где живёт пенсионерка, и увидела Кармена.

И сразу Галя поняла, что это его двор. Кармен стоял здесь свободно, совсем иначе, чем во дворе Галином. Он стоял, повернувшись к ней спиной, задира л голову и смотрел в небо. А Галю, конечно, не видел. Он видел маленькие точки — самолёты. Самолёты летели высоко и оставляли за собой белые полосы. Было похоже, что не самолёты это летят, а что полосы сами растут по себе.

Так они, Галя и Кармен, простояли несколько минут. Кармен смотрел на небо, а Галя — на Кармена.

Потом Кармен оглянулся и увидел Галю. Он вздрогнул. Он не прыгнул к ней, чтобы отнять что-нибудь, хотя в руках у Гали ничего и не было. Он не засвистел свою хулиганскую песню, которую почему-то исполняли по радио народные артисты. Он съёжился и побежал в парадную. «Это он от меня бежит», — поняла Галя.

Галя вошла в ту же парадную, куда убежал Кармен, потому что ей нужно было именно сюда. В лифте стояла женщина и держала две сетки, набитые картошкой. А за сетками жался к стене Кармен. Галя увидела его, только когда вошла в лифт.

Она отвернулась к двери, стала глядеть, как лифт проходит мимо лестниц, но он сразу остановился, потому что женщина вышла на третьем этаже, а Гале надо было на шестой.

Галя смотрела на кнопки, но нужную, рядом с цифрой шесть, не нажимала.

Кармен тоже смотрел на кнопки и тоже не отодвигался от стены.

Внизу уже кто-то разговаривал, потом застучал по лифту.

— Тебе на какой этаж? — спросил вдруг Кармен хриплым, не своим голосом.

— На шестой, — сказала Галя и вдруг поняла, что надо сделать: — Но я пешком пойду.

— Это я пойду пешком, — сказал Кармен всё таким же хриплым голосом.

Но Галя вышла уже из лифта. И Кармен тоже выскочил вслед за ней на площадку. Кабина сразу дёрнулась и пошла вниз.

Галя начала подниматься по лестнице. Кармен поднимался за нею. Он тяжело дышал, а Галя всё ждала, что он сейчас что-нибудь такое сделает.

«Как закричу сразу! — подумала Галя. — Я поручение выполняю, а он мешает».

Но Кармен вдруг заговорил.

— Правда, что у тебя отец — чемпион?

— Какой чемпион? — спросила Галя, потому что не поняла. Она даже остановилась, такой это был неожиданный вопрос. — Какой чемпион? — спросила она снова.

— По авиамоделям.

— По авиамоделям? — сказала она, всё ещё не понимая, о чём Кармен спрашивает. Но тут она поняла и обрадовалась. — Ах, по самолётам? Конечно, чемпион.

— А можно, я к вам в гости приду? — сказал вдруг Кармен просительным голосом. — Можно, а?

— Зачем? — Галя совсем удивилась.

И тут вдруг Галя поняла, почему он к ней приставал всю эту неделю. Это он из-за папы, значит, приставал. Чтобы к нему прийти. Но она спросила на всякий случай:

— А будешь ещё лезть?

— Не буду.

— Ладно, приходи как-нибудь.

Галя позвонила в дверь, а Кармен позвонил в соседнюю. Оказывается, его квартира была рядом.

Кармен приходил зря

Вечером папа был в авиамodelьном клубе, а мама сидела в маленькой комнате — решала задачки для института.

Когда в дверь постучали, Галя сразу поняла, что это Кармен. Сначала постучали тихо и неуверенно, потом сильно грохнули, а потом снова едва царапнули дверь, испугавшись своего грохота.

Галя открыла дверь — и правда, за дверью стоял Кармен. Он держал большой кособокий планёр и шмыгал носом.

— Что такое? — спросила мама из комнаты.

— Мама, можно к нам Кармен придёт? — крикнула в ответ Галя.

— Кармен? — удивилась мама, по-прежнему сидя в комнате. — Так про него ты это спрашивала, про того хулигана?

— Он и не хулиган совсем.

— В воскресенье ей из дому не выйти. В школу она через кладбище ходит.

«Наверняка Гришенька наболтал», — подумала Галя.

— И неправда! Неправда! — закричала она.

— Иди сюда и закрой дверь! — мама даже не встала со стула.

Всё это слушал Кармен. Он уже сам повернулся и пошёл назад, на улицу. Когда он поворачивался, крыло планёра задело за стенку и ещё больше скособочилось.

— Мне надоело твоё стояние! — крикнула мама. — Иди сейчас же сюда!

— Кармен, подожди, — сказала Галя и пошла в комнату к маме.

— Сядь, посиди на стуле.

— Он не хулиган, — начала Галя.

Но мама её перебила.

— Ты видишь, я занимаюсь. Сиди и молчи.

Галя просидела так на стуле неизвестно сколько времени. Потом она встала. Мама не заметила. Она пошла к двери. Мама молчала.

Она выбежала во двор, потому что Кармен должен был ждать её во дворе. Но во дворе нигде его не было.

Во дворе вообще не было ни одного человека, дул холодный ветер и шёл дождь.

Когда Галя вернулась в квартиру, мама ей ничего не сказала.

Взрослая белая мышь

А через несколько дней, когда Галя и Гриша шли из школы домой, они столкнулись с Карменом.

— Кармен, — сказала Галя Кармену, — завтра у меня день рождения, и уж завтра тебя не выгонят.

— Поздравляю, — сказал Кармен тихо.

— Думаешь, подарок надо? Приходи так, кому какое дело. Я пригласила, и всё.

— И я приглашаю, — сказал Гриша. — Ты придёшь, а я не скажу, что ты Кармен. Я скажу: «Вот пришёл Федя».

— Конечно, Федя! — обрадовалась Галя.

Она хотела спросить у Кармена, как его в самом деле зовут, но постеснялась. А он не сказал.

Всю субботу мама была в институте и готовилась к зачёту. У Гриши было два урока — и он ждал Галю в продлённом дне. После четвёртого урока Галя зашла за ним, и они пошли в домовую кухню. Галя вынула список, который утром написала мама.

Полную сетку продуктов набили они с Гришей в домовую кухню, на все пять рублей. Салат купили, печенье купили, сладкую ватрушку тоже взвесили. И много чего всякого.

К шести часам пришли первые гости. Таня Штабова и Люда Наварская, девочки из Галиного класса. Они принесли общий подарок — книгу писателя Эрля. В книге было много красивых картинок: звери, нестрашные из-за своей красоты. Звери ходили среди сельскохозяйственных растений и отворачивались друг от друга.

Папа достал с антресолей пластинки и включил проигрыватель.

Все сели на диван и стали слушать громкую музыку.

Потом пришёл Галин дядя — Евгений. Он хоть и приходился Гале дядей, а маме — двоюродным братом, но был даже младше Гали на две недели. И через две недели ему тоже исполнилось десять лет.

— Дядя Женья! Дядя Женья! — смеялся Серёжа, потому что Серёжа и вовсе был старше дяди на несколько лет.

— Здравствуйте, племяннички, — отвечал Евгений.

И смеялись теперь уже все, потому что это была старая домашняя шутка.

— Можно накрывать на стол, — сказала мама, — вряд ли ещё кто придёт.

— Где же ваш Федя? — спросил папа Галю и Гришу. — Он знает дорогу?

— Знает, — сказала Галя.

И ей стало неудобно оттого, что и Таня Штабова, и Люда Наварская удивлённо на неё посмотрели: «Что за Федя?»

Мама разложила на столе в большой комнате тарелки, вилки, принесла хлеб, вкусную еду, папа выключил громкую музыку, и в это время в дверь постучал Кармен. Он стучал так же, как в прошлый раз. И Галя, как и тогда, сразу поняла, что это стучит он.

Галя побежала открывать дверь, чтобы не открыла мама.

Кармен раздевался, неловко держа большой свёрток, окутанный белой материей. Планёра у него с собой не было.

— Здравствуйте, — сказал он подошедшей маме, — поздравляю Галю с днём рождения.

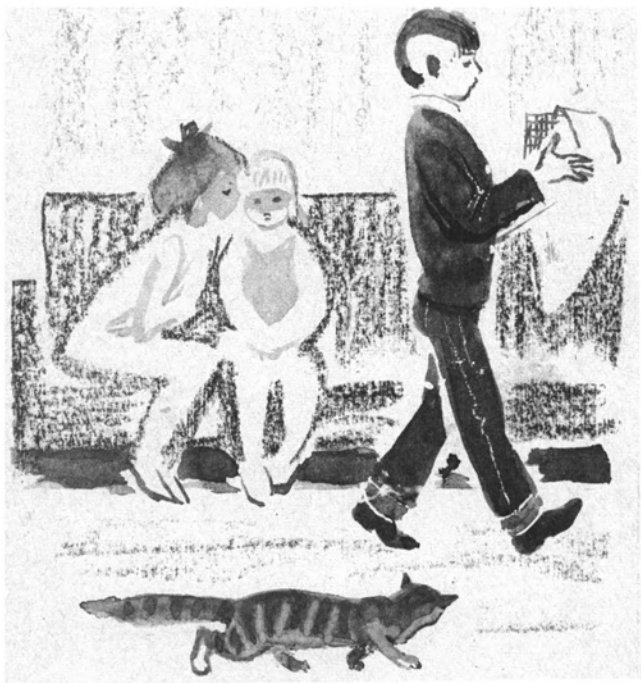
— Здравствуй, Федя, здравствуй, — ответила мама и внимательно посмотрела на свёрток.

Со свёртком в руках Кармен прошёл в комнату.

Следом за ним в комнату из кухни помчался кот Тиграш. Кармен ещё раз сказал «здравствуйте» и, ни на кого не глядя, стал отворачивать материю.

Все замолчали и стали смотреть на эту материю, даже дрессированный кот Тиграш.

— Вот, — сказал Кармен Гале, — это чтобы ты любовь к животным тренировала.

Материя запуталась. Кармен долго её дёргал, а кот Тиграш сидел на диване и почему-то нервно перебирал лапами.

Наконец материя лопнула, упала на пол, и в руках Кармена все увидели клетку. Клетка была небольшой, а внутри клетки сидела взрослая белая мышь.

— Ой!—закричали Таня Штабова и Люда Наварская.— Ой, мы боимся! — и полезли с ногами на диван.

— Ай-яй-яй! — взвизгнула вдруг мама Кострова, уронила праздничную ватрушку и тоже полезла на диван.

Даже Гриша — и тот убежал на другую сторону стола.

А Кармен нажал с перепугу от их криков какой-то крючок на клетке, и мышь выбежала на стол.

Она стала не спеша бегать между тарелками, добежав до края стола, поворачивала назад. А все кричали, визжали, и папа Костров, прижавшись к подоконнику, не знал, что делать.

Но тут внезапно дрессированный кот Тиграш одним прыжком вспрыгнул на стол, белая мышь мгновенно оказалась у него в зубах, только голый хвост свисал на сторону. Он тихо, по-звериному зарычал и медленно пошёл с нею по столу между тарелок к дивану. Все дали ему место на диване, и он махнул сначала на это место, потом на пол и понёс добычу на кухню.

Все молчали.

— Я её в зоомагазине купил, — сказал вдруг Кармен виновато, — она не кусается.

— Я знаю, кто ты! Знаю! Ты — Кармен! — вскрикнула мама и внезапно громко охнула.

А Кармен сразу заплакал, повернулся и побежал в прихожую. Пока он бежал, с вешалки упало его пальто, а следом упала шапка. Кармен схватил их, пальто и шапку, и, не одеваясь, выбежал из квартиры.

Галя тоже заплакала и пошла в маленькую комнату. Там она села на стул и плакала долго и громко. К ней подходили, что-то говорили; одни пытались гладить по голове, другие, наоборот, кричали на неё, но она никого не слушала, а только отворачивала голову и продолжала плакать. Постепенно она затихла, а потом так и заснула, положив голову на руки, а руки — на спинку стула.

Она не слышала, как все расходились, так и не попробовав вкусного угощения, не помнила, как её, сонную, мама перевела на расстеленную кровать, раздела и накрыла одеялом.

Сзади шепчутся и смеются

Утром Галя пришла в школу и в раздевалке увидела Таню Штабову. Люду Наварскую Галя увидела тоже. Она стояла рядом с Таней и крутила номерок. И сразу, как только девочки заметили Галю, они переглянулись, засмеялись и побежали на лестницу. Галя сдала пальто, Гриша исчез, а Гале одной не хотелось подниматься вверх к своему классу. Она постояла перед стенной газетой, потом перед цветком в горшке. Попробовала пальцем, мокрая ли земля у цветка. Но в класс идти всё-таки полагалось, потому что прозвенел звонок.

Галя садилась за парту и чувствовала, что сзади на неё смотрят, шепчутся и смеются над ней Таня Штабова и Люда Наварская.

Рядом сидел длинный Коваленко. Он, как всегда, молчал. Жанна Дмитриевна вызвала его отвечать урок. Он и у доски больше молчал, иногда медленно выговаривал несколько слов и снова умолкал. Потом уронил мел и долго лазал за ним по полу.

Жанна Дмитриевна посмотрела на Галю, и Галя поняла, что сейчас вызовут её. Жанна Дмитриевна поискала пальцем в журнале Галину фамилию, увидела, что отметок около фамилии мало, и подняла голову, чтобы сказать: «Кострова». Но вместо этого она вдруг сказала:

— Штабова.

Она даже сама удивилась, даже лицо сделала удивлённое, но Штабова сразу пошла к доске, и Жанна Дмитриевна, сделав серьёзное лицо, перевела глаза с Гали на Таню.

Галя не слышала, что отвечала Таня. Галя чувствовала себя как бы виноватой. Хотели вызвать её, а вызвали Таню. Таня путала, говорила не то, а потом совсем замолчала, и что бы Жанна Дмитриевна у неё ни спрашивала, она всё равно молчала, глядя на дверь.

А Галя думала: «Из-за меня». И так сильно эта мысль её мучала, что она даже сказала её вслух. Она сказала, и Коваленко услышал. И удивлённо на неё посмотрел.

В перемену Галя поняла, что Таня Штабова с нею не

разговаривает. И Люда Наварская тоже. Они шептались с другими девочками, показывали глазами на Галя, может быть, и их подговаривали не разговаривать. А Коваленко насупленно смотрел в парту. Потом, когда уже начался другой урок, он вдруг сказал:

— Ты меня позови, когда драться будете. Я всех раскидаю.

Но Галя драться не собиралась и поэтому промолчала.

Ещё один стих

В классе у Серёжи были два товарища: Валентин Борисов и Гоша Захарьян. С Борисовым Серёжа сидел рядом, а Захарьян был сзади них, но всё равно рядом.

На последнем уроке Серёжа написал стихотворение. Он сначала сочинил его в уме, а потом написал на обложке тетради, потому что тетрадь кончилась:

На луну я гляжу
И один всё хожу.
Ветер дует, темно,
Ну, а мне всё равно.

Вот что он написал, прикрывая тетрадь ладонью.

Борисов всё-таки подсмотрел. Он спросил:

— Это ты про закалку написал?

И хотя Серёжа думал, когда сочинял, совсем о другом, он сказал:

— Каждый вечер.

В это время к ним сзади подошёл учитель.

Он молча взял Серёжину тетрадь, приблизил её к глазам, потому что очки у него лежали на столе, и внимательно прочитал все четыре строчки.

Одни ученики в классе смотрели на учителя, другие — на Серёжу, а многие смотрели, куда хотели. Серёжа смотрел на учителя. Он думал, что придётся сейчас положить на стол дневник — и появится в дневнике замечание: «Занимался на уроке русского языка посторонними делами».

Но учитель вдруг спросил:

— Сам написал?

Тут Серёжа мог соврать, что не сам, не он написал, а ему кто-то всё это подстроил, а кто и когда — неизвестно. Но учитель смотрел очень серьёзно, и Серёжа сказал, что сам.

— После уроков зайти в седьмой «а». У тебя пять уроков?

— Пять, — растерянно сказал Серёжа.

А сам подумал: «Неужели родителей вызовет?»

Серёжа ужасно боялся замечаний в дневнике. Хотя замечаний ему почти не писали, а родителей так и вообще не вызывали никогда.

Однажды, когда он учился в третьем классе, он шёл по коридору, и вдруг рядом с ним свалилось со стены расписание уроков. Расписание было в большой деревянной раме за стеклом, стекло с грохотом разбилось, осколки валялись по всему полу, а Серёжа стоял около этого расписания и не знал, что делать.

Тут с лестницы выбежала учительница, схватила Серёжу за руку и повела в кабинет к директору.

Директора в кабинете не было. А учительница, она только недавно преподавала в школе и не знала, что Серёжа Костров отличник и расписание ему бить ни к чему, эта учительница стала вести допрос.

— Ты разбил? — говорила она.

— Не я, я мимо шёл, — отвечал Серёжа и плакал.

— Не реви. Я вижу твои лживые слёзы. Ну сознайся. Сознайся, и я тебя прощу, — уговаривала учительница. — Самому легче же станет.

Но Серёжа не сознавался.

Серёжа долго плакал. Учительница то пугала, что из школы его исключат и из пионеров тоже могут, если он не сознается, то, наоборот, упрашивала его и чуть сама даже не заплакала.

Наконец пришёл директор.

Директор ходил в старой военной шинели со снятыми погонами и опирался на палку. Он медленно, будто не видя

учительницы и заплаканного Серёжи, повесил шинель, потом сел на стул, прислонил к углу палку и сказал:

— Плакать не обязательно. Спокойно расскажи, как всё случилось. Только спокойно.

Серёжа рассказал.

Директор поверил и отпустил.

С тех пор Серёжа не бегал по школе, а ходил медленно, особенно обходя расписание, стенгазету и всё другое, что висит на стенах. Ещё он боялся ту учительницу. Если он видел её в конце коридора, то старался спрятаться подальше, в туалет, на лестницу или ещё куда-нибудь. А при встрече с ней отворачивался, делая вид, что не замечает.

Писать стихи

Если бы учитель написал замечание или бы сказал: «Зайдёшь к директору», — никто в классе не удивился бы.

А тут — в седьмой «а».

— Может, бить тебя там будут? — сказал Валентин Борисов, когда урок кончился и учитель ушёл. — Это его класс, воспитательский.

Борисов был здоровым и толстым даже, он с трудом умещался за партой и подражать любил.

— Пошли втроём, — предложил Гоша Захарьян.

Весь класс побежал вниз по лестнице в раздевалку, а Серёжа Костров, Борисов и Гоша — наоборот — поднялись по лестнице вверх.

— Стой, — сказал Борисов, — я на разведку пойду.

Он крадучись подошёл к седьмому «а», приоткрыл двери, заглянул. И сразу отскочил, потому что в коридор из класса вышел учитель.

— И вы тоже! — обрадовался он. — Заходите.

Серёжа не понял, чему учитель обрадовался, но в класс вошёл. С ним вошли Борисов и Гоша Захарьян.

В классе на разных партах, вероятно кто на какой хотел, сидели человек десять. Были два рослых восьмиклассника, несколько семиклассников, а одна девочка — совсем малень-

кая. Если бы не галстук, Серёжа подумал бы, что она из первого класса.

— К нам пришло пополнение, — сказал учитель. — Вы тоже стихи пишете? — спросил он Борисова и Гошу.

— Мы? .. Не знаю, — сказал Гоша.

— А чего, пишем, — перебил его Валентин Борисов.

А Серёжа понял, что не наказывать его позвал учитель, а на занятие кружка поэтов. Вот куда они попали.

— Даю задание, — сказал учитель, когда все сели и стало тихо, — написать... — он было задумался на секунду, — написать про маму.

— Про чью маму? — спросил кто-то.

— Про свою, про чью же, — ответил один из рослых восьмиклассников.

— Просто про маму, — учитель посмотрел на часы, — даю десять минут.

— Что, стихи придётся писать? — проворчал Борисов, который, как на уроке, сел рядом с Серёжей.

— Сам болтал, сам и пиши, — сказал Гоша.

А Серёжа молчал. Он изо всех сил старался придумать стих про маму и ничего не мог написать.

Все, у кого не было бумаги, подходили к столу учителя и брали листки в косую линейку. Некоторые ходили по несколько раз. Это сбивало Серёжу с мыслей. Скоро учитель начал посматривать на часы. Все принялись спешно писать. Даже Борисов писал что-то, даже Гоша, а Серёже писать было нечего. Написал было: «Наша мама», но зачеркнул.

— Всё, — сказал учитель, — читаем по порядку.

Восьмиклассники написали по большому стиху. Оба стиха были про мамины руки.

Серёжа не очень вслушивался в то, что читали другие. Он всё ещё старался придумать что-нибудь. Вот прочитал уже Гоша Захарьян, вот Борисов встаёт. Почему-то Серёжа хорошо запомнил, что прочитал Борисов:

Мама гладит чемоданы
Раскалённым кирпичом.
Книжный шкаф решал с диваном,
Как прикинуться врачом.

После этого стиха все долго смеялись. А потом учитель подошёл к Серёже.

Наверное, учитель всё понял.

— Ничего, — сказал он Серёже, — в следующий раз напишешь.

Потом учитель прочитал знаменитые стихи про природу и объяснил, как красиво они звучат.

И на этом занятие кончилось.

— Так я записываю вас троих, — сказал учитель, когда они уже были у двери.

Гошина знакомая

А когда Серёжа, Борисов и Гоша шли из школы, Серёжа увидел Олю Сорокину, девочку с красным шарфом. Она шла им навстречу, потом заметила их и направилась прямо к Серёже. Серёже страшно стало. И руки и ноги у него перестали слушаться, он остановился и стал смотреть, как Оля подходит. Она подходила, а он смотрел на неё.

И вдруг она поздоровалась с Гошей. И Гоша тоже поздоровался. Они заговорили о каком-то дяде Пете и об Инне Макаровне.

Серёжа с Борисовым стояли чуть в стороне. Оля Сорокина на них и не смотрела, а только разговаривала с Гошей.

— И чего она болтает? — сказал Борисов.

Наконец они кивнули друг другу, и Оля пошла дальше.

— Кто это? — спросил Серёжа, не глядя на Гошу Захарьяна. — Сестра?

Хотя ясно было, что сестрою она Гоше быть не может никак, Гоша был чёрным, он приехал из Армении, а Оля — светлая, даже волосы почти совсем белые.

— Так, — махнул Гоша рукой, — мы вместе праздники встречаем. У нас мамы подруги.

— А я думал, сестра, — снова сказал Серёжа.

— Она из сто шестьдесят девятой.

— Да ну! — сказал Борисов. — Я в эту школу на гимнастику хожу.

Он всем любил рассказывать про свою гимнастику. И сейчас тоже — стал рассказывать, замахал руками, потом остановился и взмахнул ногой. Но Серёжа его не слушал.

Неудача

В одном классе с Серёжей учился Толя Кубарев. И Серёжа придумал план, в котором участвовал Кубарев и Борисов.

Есть такая узкая улица, которая идёт от Харьковской до Площади Александра Невского. Это — Тележная. На Тележной улице жила девочка с красным шарфом, Оля Сорокина. Серёжа несколько раз шёл за нею следом из магазинов, и всегда она заходила в один и тот же дом.

Серёжа вот что придумал.

Оля Сорокина будет идти по Тележной. Поздно, темно, ветер. На улице, как всегда, никого.

Вдруг из-за угла выбегают двое людей и хватают её за руки.

— Попалась, — говорят, — от нас не уйдёшь.

Но тут появляется он, Серёжа, и спасает её.

Люди сопротивляются, но он легко справляется с ними обоими.

Гордый, спокойный, он идёт с нею рядом, и они разговаривают. Могут про Гошу для начала, если говорить будет не о чем.

Конечно, лучше бы подошёл для этого дела сам Гоша, а не Кубарев, но нельзя — он знакомый.

А Кубарева Оля не знает. И Борисова тоже не помнит, конечно.

Кубарев сразу согласился. Он собирает конверты с картинками, и Серёжа ещё весной подарил Кубареву пять иностранных конвертов с нерусскими подписями.

Борисов сначала не хотел.

— А вдруг она закричит? Там милиция близко.

— Зато милиционеров нет, я проверял, — убеждал Серёжа.

И вот все они трое пришли на Тележную улицу и стали ждать появления Оли. Оля обычно в это время ходила в булочную за булкой.

Потом, когда Оля появилась, Серёжа спрятался в подворотню, а Кубарев и Борисов медленно пошли к ней навстречу. Они поравнялись с Олей и, так же как тренировались на Серёже, схватили её за руки.

— Ага, попалась, — сказал Кубарев.

— Пустите, — негромко проговорила Оля, но визжать не стала.

— Попалась, — снова сказал Кубарев.

Борисов молчал, и что делать дальше, Кубарев не знал.

Но тут появился Серёжа.

Он быстро пошёл прямо на них и ещё издали закричал:

— Вы что это к человеку пристали! Ну-ка отпустите!

Борисов сразу отпустил. Было видно, что он и уходить уже собрался.

— Тебе говорят, — сказал Серёжа Кубареву.

— Ты, курносый, потише, — ответил Кубарев притворно грубым голосом.

У Серёжи нос был маленький, и он не любил разговоры об этом. Слова Кубарева его задели.

— Я тебе покажу курного. Через забор сейчас полетишь, зелёное пальто! — сказал он.

Кубарев стеснялся своего пальто, потому что носил его много лет, чуть ли не с первого класса, и оно было совсем старым.

— Дурак, курносый дурак, — ответил он Серёже.

— А ты крокодила зелёная. По улицам ходила большая крокодила, — пропел Серёжа слова из известной песни.

Борисов слушал всё это, равнодушно глядел на них, молчал и дышал носом.

Оля Сорокина тоже молчала. Она с удивлением смотрела то на Серёжу, то на Кубарева.

Потом она легко выдернула свою руку, которую всё ещё держал Кубарев, и пошла к дому.

— Все вы дураки, — сказала она не поворачиваясь.

Она шла медленно и спокойно, но никто из троих не побежал за нею вдогонку.

Старая женщина

Всю неделю после дня рождения Галя не встречала Кармена.

Два раза она приходила к старой женщине Зинаиде Ивановне и помогала ей вместе с восьмиклассницами. Восьмиклассницы покупали продукты в магазинах для Зинаиды Ивановны, меняли цветы в вазе, вытирали пыль. Галя тоже вытирала пыль. А ещё Зинаида Ивановна просила Галю читать вслух статьи из книги. Книга была толстая и называлась «Здоровье и долголетие». Галя читала о гимнастике, которую надо делать, если думаешь долго жить, и Зинаида Ивановна повторяла:

— Поправлюсь, сразу займусь гимнастикой.

Она и в самом деле поправлялась.

Сначала она вставала, надевала халат, но могла ходить только по комнате, держась за стену или за мебель. А теперь даже в коридор и на кухню выходила, чтобы поговорить с соседями.

— Это меня наши девочки так поправили, — говорила она соседям.

Соседи варили ей обед, не доверяя восьмиклассницам, и сразу принимались уговаривать Зинаиду Ивановну вернуться в комнату.

Зинаида Ивановна до болезни работала кондуктором в трамвае и любила рассказывать случаи из жизни.

Как один человек забыл в вагоне скрипку и как она весь вечер ездила по городу, искала того человека. А он оказался знаменитым артистом. Знаменитые артисты тоже иногда в трамваях ездят. И артист пригласил Зинаиду Ивановну на концерт, посадил в первом ряду, а после концерта повернулся к ней и стал ей аплодировать. И зрители, как только узнали, в чём дело, тоже повернулись к ней и зааплодировали. А она стояла вся красная и не знала, куда спрятаться.

Она любила рассказывать этот случай и рассказывала его девочкам несколько раз.

И ещё другой случай, тоже в трамвае.

Как на повороте, автоматических дверей тогда ещё не было, на повороте вдруг в трамвай вскочила огромная собака-ищейка. Пассажиры все испугались, а многие даже закричали, но собака, не обращая внимания на крик, полезла сквозь давку и на передней площадке схватила преступника. А Зинаида Ивановна остановила трамвай, и вместе с собакой они сдали этого преступника подоспевшей милиции.

Выслушав эти истории, девочки расходились по домам. И по дороге назад Гале снова не попадался Кармен, хоть и жил он в квартире рядом.

О Коваленко

Сосед Гали, Коваленко, не умел прыгать.

На физкультуре весь класс выстраивали цепочкой вдоль стены спортивного зала. На середину выносили мат, стойки, а между стойками вешали верёвку. По очереди каждый бежал к середине и прыгал через канат. Коваленко всегда падал. Он хоть и был самым высоким в классе, но не имел прыгучести. Так говорил учитель. Всякий раз он надеялся перешагнуть через эту верёвку и перешагивал уже первой ногой, но второй обязательно цеплялся и падал, а на него падали стойки.

Все смеялись, глядя, как он неуклюже поднимается с мата и идёт на своё место к стене. Все даже ждали обычно: вот сейчас он прыгнет и упадёт — ну и смеху будет!

И он брёл к стене весь красный, опустив длинные руки и долго ещё потом переживал, даже на следующих уроках.

А Галя не смеялась. И не потому, что сидела с ним рядом за партой. А потому, что ничего тут смешного нет, когда человек падает и ногу подворачивает, так что потом весь день хромает. Ни разу она не смеялась над ним, хоть все и хотели.

Качели в парке отдыха

— Костровы! Мы давно не гуляли вместе! — сказала мама вечером. — Поехали завтра в парк.

— В парк? — удивился папа. — Как же моя модель? — Он помолчал и вдруг сказал другим, радостным голосом: — Поехали!

Оказывается, многие люди в тот день решили отдыхать в парке, и дирекция парка устроила для них народное гулянье.

Всюду играла музыка. На одной сцене читали хором стихи серьёзные пенсионеры, на другой — выступал загадочник, а на третьей были особые артисты — собаки. Вернее, это была не сцена, а остров. Люди стояли на одном берегу, так сказать, на большой земле, а собаки выступали на острове. Они демонстрировали свою служебную работу, по команде стояли, садились, не ели чужую пищу, прыгали через барьер, взбирались по лестнице. Работу собаки делали молча, лишь иногда кто-нибудь из них вспоминал о зрителях, оглядываясь и раза два гавкал.

Костровы посмотрели на собак, послушали загадочника, несколько раз постояли в очереди к автоматической машине, которая пекла вкусные пончики. А потом Галя встретила длинного Коваленко, своего соседа.

Коваленко шёл по аллее вместе с родителями, и они оба были меньше его ростом. Они шли не по самой аллее, а по бокам, под деревьями и собирали жёлуди в газетный кулёк.

Папа узнал родителей Коваленко, потому что встречал их на родительском собрании.

Он дал отцу Коваленко два больших крепких жёлудя, которые тоже подобрал в парке. И все вместе пошли к качелям.

Галя больше любила качели. А Серёжа и Гриша — карусели.

— Серёжа такой большой, а всё ещё карусельщик, — сказала про него мама.

— А я качели люблю, — сказал Коваленко.

— Разве ты хорошо их переносишь? — удивились его родители.

— Я ещё летом стал качели любить.

Очередь в кассу была общая, а потом Галя и Коваленко подошли к качелям, а Серёжа и Гриша — к каруселям.

Коваленко совсем не умел раскачиваться — это Галя поняла сразу. Он стоял, вцепившись в деревянные поручни, и только моргал глазами.

Рядом уже качались изо всех сил, а они всё не могли раскачаться как следует. Галя даже устала от раскачивания в одиночку и скоро села, и Коваленко тоже сразу сел.

Он всё время молчал, а потом вдруг проговорил:

— Хочешь, я этому Кармену костыль поставлю?

— Какой костыль? — не поняла Галя.

— Ну, дам ему, чтоб не лез.

— Он и не лезет, — сказала Галя.

Коваленко помолчал, а потом снова проговорил:

— А я думал, лезет.

После этого Коваленко замолчал совсем. Качели стали останавливаться, а он сидел на скамейке, одной рукой держался за поручень, а другую положил на колени. И молчал.

За один день

За один день может случиться так много событий, что некоторые даже забудутся.

Например, после уроков в Галин класс пришла старшая пионервожатая. Все писали на специальных листках слова торжественного обещания, чтобы выучить их дома. А еще слушали рассказ об истории пионерской организации.

На первом уроке, когда писали контрольную диктовку, внезапно подул сильный ветер. Он открыл дверь, распахнул окна, да так, что все диктовки полетели по классу и перепутались. Учительница Жанна Дмитриевна перестала диктовать, ребята принялись ползать по классу и собирать контрольные. В это время можно было подглядеть любые неизвестные слова. Диктовки долго разбирали — чья где, а у Люды

Наварской диктовка потерялась насовсем. Сколько ее ни искали — пропала, и Люде учительница поставила точку.

Старшая пионервожатая спросила Галя, как её поручение. И Галя сказала, что хорошо. А на самом деле вчера, когда она читала книжку о долголетию, то пропустила нечаянно страницу. Зинаида Ивановна не заметила, но Галя все равно переживала и весь вечер дома об этом думала. А когда старшая пионервожатая спросила Галя про здоровье Зинаиды Ивановны, Галя снова сказала, что хорошо. И снова стала переживать — вдруг плохое здоровье, вдруг не поправляется Зинаида Ивановна, а только так говорит.

Но когда Галя и восьмиклассницы пришли после школы к Зинаиде Ивановне, у неё был врач.

Он измерил давление специальным прибором на одной руке и на другой, потом долго писал непонятным почерком в тетрадку, которая называлась «История болезни», а потом сказал, улыбаясь:

— Хороши ваши дела, Зинаида Ивановна.

И тут хоть Галя успокоилась.

А потом на площадке она увидела Кармена. Кармен приоткрыл дверь из своей квартиры, наверно, хотел выйти, но заметил Галя и сразу спрятался. Галя постояла минуту на площадке и побежала вниз по лестнице догонять восьмиклассниц.

Стенная газета

На перемене в Серёжин класс вошли два восьмиклассника.

— Кто у вас здесь поэты? — спросили они.

Серёжа хотел промолчать, но все зашумели:

— Вот они, вот те трое.

— Идите за нами.

Серёжа, Борисов и Гоша пошли следом за ними и пришли в пионерскую комнату.

Там на всём длинном столе была разложена стенная газета.

— Берите себе по двоечнику, — сказали восьмиклассники, — и пишите про них стихи.

Серёже двоечника не хватило. Ему дали опаздывальщика Лёхина из четвёртого класса.

— Только быстро, утром газета должна висеть.

Начался урок географии. Но Серёжа не смотрел на карту, не слушал отвечающих, не следил за указкой учителя. Он сочинял стихи про Лёхина. И опять ничего не мог сочинить. Уже и Гоша Захарьян сочинил, и Борисов тоже про своего двоечника, а у Серёжи опять ничего не было. А только вчера он написал в специальную тетрадку новые восемь строчек про вечер и про дождь.

Как-то так получалось, что про вечер стихи писались у него сами собой, а про другое, про прогульщика вот, например, никак. Хотя он и старался весь урок.

— Эх ты, — сказал на перемене Борисов и в одну минуту написал:

Опоздал ты в школу, Лёхин,
Оттого, что кушал плохо.
Чтобы в классе быть с утра,
Скушай каши три ведра.

Поручение выполнено

— А я сегодня гуляла сама, — сказала Зинаида Ивановна Гале, когда Галя снова пришла к ней. — Я теперь здоровая.

— Я вам сейчас пыль вытру.

— Не надо, я сама её вытру.

— Девочки сейчас в магазин сходят.

— В магазин я уже сходила, — и Зинаида Ивановна показала на сумку, — полную сумку несла.

— Я вам тогда почитаю, — сказала Галя, — про здоровье и долголетие.

— Вот-вот, я зарядку уже начала делать.

В это время в дверь постучали восьмиклассницы.

— Здравствуйте, мои девочки, я совсем уже выздорове-

ла, — встретила их Зинаида Ивановна. — Это и врач сказал. Идите вы лучше в садик, погуляйте.

— Как же я поручение буду выполнять? — расстроилась Галя. — Мне в пионеры вступать скоро.

— Не знаю, девочка. Ещё кого-нибудь найдут, кому помочь. А ко мне приходите в гости. . .

— Может, вы поболееете? — спросила Галя. И сразу поняла, что сказала что-то не так.

Все засмеялись. На этом кончилось Галино поручение.

Бешеный бой за город Курск

— Слушай, — сказал Грише Кострову неряха Саня Куницын, — сегодня ты поведёшь меня домой.

— Почему? — удивился Гриша.

— У бабушки партийное собрание, а мама с папой работают. Я сказал, что ты.

— Лучше в продлённом дне останемся вместе, — предложил Гриша.

— Я бабушке сказал, значит, всё, провожай меня.

Гриша согласился.

До Саниного дома было близко, даже улицу переходить не полагалось, потому что Санин дом был на углу.

По дороге Саня крутил головой во все стороны и успевал ещё пинать ногами лежащие на асфальте предметы. Даже урну однажды пнул.

А когда они проходили мимо кухни-столовой, Саня остановился и заглянул в открытые окна. Кухня была внизу, в подвале, из огромных котлов поднимался пар, а вокруг котлов ходили два здоровенных человека в белом.

— Бросим в котёл кирпич, а? — сказал Саня Куницын. — Или кусок асфальта. Повар не заметит, начнёт в тарелку суп наливать, а вместо мяса — кирпич. Вот смешно!

— Лучше пойдём, — испугался Гриша. Почему-то ему не хотелось кидать куски асфальта в котёл повару.

— Смотри, человек спит! — показал Саня на другое

окно. — Лежит и спит на кровати. Давай крикнем что-нибудь звериными голосами, он и проснётся. Вот смешно!

Но Грише и кричать тоже не захотелось.

Потом Саня увидел дверь с надписью «Осторожно, окрашено». Он приложил к этой двери ладошку со всеми пятью пальцами и едва её оторвал, так она приклеилась свежей краской. Ладонка сразу стала коричнево-красной. И пока они дошли до Санино дома, он успел покрасить себе и лоб, и нос, и шею. А потом ещё вымазал дверь своей квартиры: оставил на ней пять коричневых пальцев.

Когда они открывали дверь, вышла соседка.

— Саня, бабушки дома нет, — сказала она.

— А меня вот он провожает, — показал Саня на Гришу.

— Разве тебе разрешили быть дома одному? — удивилась соседка.

— А я вот с этим буду, — снова показал на Гришу Саня.

Соседка покачала головой и ушла в свою квартиру.

Гриша сразу хотел идти назад, в школу, в продлённый день, потому что за ним должна была зайти Галя. Но Саня запер дверь на какой-то хитрый замок и сказал:

— Давай играть, а то я тебя не выпущу.

И пришлось Грише играть.

Хотя играл, в основном, один Саня, а Гриша молча сидел на стуле.

Сначала Саня открыл пианино, оставив при этом на крышке страшные следы от грязной руки. На пианино он сыграл, как ходит медведь, а потом стал изображать бешеный бой за город Курск. Рвались снаряды, грохотали танки, выли самолёты — всё это изображал Саня, помогая пианино завыванием, криками и топаньем ногами.

Бой продолжался бы ещё долго, если бы с обоих этажей, сверху и снизу не стали бы стучать по батарее. А ещё в пианино что-то вдруг лопнуло, может быть, главная струна, и оно перестало работать.

— Придумал! — сказал Саня, отдохнув минуту на стуле напротив Гриши. — Давай насыплем в пакеты землю из

горшка и на голову прохожим — пум! Он идёт, а ему вдруг земля на голову. Вот смешно!

Хотя Гриша не хотел играть в эту игру, Саня всё-таки вырвал из своей тетради листок, отсыпал в него землю, открыл окно и кинул в двух девчонок. Пакет упал, стукнулся об асфальт, не попав в девчонок, и земля рассыпалась. Следующий пакет попал точно в голову пожилому человеку, прямо по лысине. И когда Саня стал носиться по комнате, хохоча, припрыгивая и сшибая ровно расставленные стулья, Гриша выглянул в окно.

Человек стоял недовольно морщась, стряхивая землю с головы, из-под воротника, а потом он поднял голову. И Гриша вдруг увидел, что это сосед, старик Бовин. И портфель был его, с рулоном красной бумаги.

Гриша ходил к Бовину каждый день разговаривать и клеить Дворец Советов для Гали, а теперь получалось, что он, Гриша, кинул в старика землёй.

Гриша сразу спрятался и не знал, что было дальше. Узнал ли его Бовин или не узнал и пошёл по своему делу.

— Пусти меня, — сказал Гриша, — я пойду.

Но Саня не выпускал.

Тогда Гриша сел в угол и уставился в трещину на полу.

Саня прыгал перед ним, махал своими грязными руками у самого лица, орал, топал, плевал на дорогую полированную мебель, но Гриша не взглянул на него ни разу и только смотрел в ту трещину на полу.

Наконец и Саня, видимо, утомился, потому что сказал:

— Ну и уходи. А я скажу учительнице, что ты у нас сто рублей украл.

Но Гриша и тут сдержался. Взял ранец и молча вышел из квартиры.

Когда он проходил по улице под Санними окнами, там было тихо.

А вечером, первый раз за долгие времена, Гриша не пошёл к старику Бовину.

Коллекция бабочек

Серёжа был дома у Гоши Захарьяна. Серёжа пришёл посмотреть на бабочек в коллекции. О коллекции этой Гоша рассказывал давно.

Гоша достал несколько плоских ящичков. Вместо крышек в них были вставлены стёкла. И под каждым стеклом, распластав крылья, лежали красивые разноцветные бабочки.

— Видел бы их в горах! . . — говорил Гоша.

Вдруг в квартиру позвонили, дверь открыла Гошина мама, и Серёжа услышал два голоса.

Один из голосов был Олин — это Серёжа понял сразу.

И точно: в комнату вошла Оля.

Она поздоровалась с ними обоими, с Гошей и с Серёжей, и подошла к бабочкам.

С Серёжей она поздоровалась, как с незнакомым, как будто не узнала его после того случая, на Тележной улице. А может быть, и в самом деле забыла, ведь он был тогда в пальто и в школьной фуражке.

— Этих я видела, этих — тоже, а этих — нет. Новые? — спросила Оля про бабочек.

— Новые, — сказал Гоша.

Серёжа тоже хотел подойти к бабочкам, но остался сидеть в кресле в углу. Он почувствовал, что надо сказать что-то, уже открыл рот, чтобы произнести:

— А у меня. . .

Но вместо этого у него вырвался тихий хрип, и он сразу замолчал. Хорошо, что этот хрип никто не услышал, потому что ни Оля, ни Гоша не обернулись.

А Серёжа хотел рассказать про орхидеи, которые он выращивал в школе весь год.

Оля посмотрела на бабочек и пошла в кухню, где её мама разговаривала с Гошиной.

— Ты чего? — спросил Гоша.

— Я? — спросил Серёжа специально удивлённым голосом. — Я ничего.

Он сразу встал с кресла и подошёл к коллекции.

— Я пойду.

— Останься, ты из-за них, что ли? — Гоша кивнул в сторону кухни. — Они скоро уйдут. А мы в настольный хоккей поиграем.

— Я лучше пойду.

Серёжа пошёл в прихожую. Он одевался медленно и слушал голоса, Олин, её мамы и Гошиной мамы. Ему не хотелось уходить.

Если бы ещё раз Гоша попросил его, он бы, пожалуй, остался. Но Гоша молчал, опираясь на дверной косяк, он смотрел, как одевается Серёжа. А когда попросил, было уже поздно: Серёжа застегнул пуговицы.

— Оставайся, куда ты идёшь?

— Я лучше завтра приду или на днях.

Гриша открыл дверной замок. Серёжа крикнул в кухню «до свидания» и вышел на лестницу.

Второгодник Сивцов

Утром из Гришиного класса пропал стул. Уже ученики пришли, а около учительского стола стула нет.

На первой парте у окна сидел второгодник Сивцов. Он сходил куда-то на несколько минут и вернулся со стулом. Всё у нового стула было нормально, только ножки не четыре, а три. Четвёртую ножку Сивцов нёс в руке. Он поставил стул около стола, приладил ножку и отошёл.

— Сивцов, что делаешь? — сказали девочки. — Упадёт же Маргарита Львовна.

— А вы лучше молчите, — ответил Сивцов, — вас не спрашивают.

— Сядет и вдруг упадёт — вот смешно! — сказал неряха Саня Куницын.

Второгодник Сивцов был самым сильным в классе, и его боялись. Поэтому спорить не стали. И ещё интересно было всё-таки посмотреть, что будет. А Сивцов пригрозил:

— Кто скажет, плохо тому станет.

Начался урок. Сначала учительница ходила между колонок, потом она постояла у доски, потом у стола. А потом решила сесть.

И Гриша вдруг представил, как вот она сейчас сядет и сразу упадёт. И стул будет валяться рядом. И как всё это будет плохо. И страшно ему стало очень. И он вдруг сказал:

— Маргарита Львовна!

— Ты хочешь спросить меня, Гриша? — откликнулась Маргарита Львовна. — Тогда подними руку.

Гриша поднял руку и встал. Но он не знал, о чём спрашивать. Он стоял, молчал и не мог придумать.

— А почему в ясную погоду небо синее? — вдруг сказал он.

Маргарита Львовна недовольно покачала головой.

— На другом уроке я отвечу. Сейчас у нас русский.

Она снова отошла к доске, а Гриша крутился за партой и старался на неё не смотреть.

«Только бы не села, только бы не села», — думал он.

Но Маргарита Львовна снова решила сесть. И Гриша снова поднял руку. Маргарита Львовна этой руки не заметила. Тогда Гриша крикнул:

— Маргарита Львовна!

— Что такое? — удивилась учительница и даже немного испугалась.

Гриша вскочил.

— Почему, когда луна светит — холодно, а когда солнце — тепло?

— Я тебе всё объясню потом. Садись и больше не спрашивай.

Гриша сел, а Маргарита Львовна прошлась вдоль его колонки.

Она задержалась около стены, потом снова пошла к столу.

— Откройте тетради, — сказала она.

Все зашевелились, зашуршали тетрадями, и Гриша тоже достал свою. Но тут Маргарита Львовна снова пошла к столу.

— Маргарита Львовна! — закричал Гриша в третий раз, уже не поднимая руки.

Маргарита Львовна посмотрела на него и промолчала.
— Маргарита Львовна! — вскочил Гриша. — Почему каменный уголь как камень, а горит?

— Сейчас тебе будет уголь. И уголь тоже будет, — сказала Маргарита Львовна спокойным, но очень злым голосом. — Вот этот уголь. — Она показала на уголь около двери. — Встань сюда, повернись спиной к классу и успокойся. Серёжа, твой брат, никогда такого не делал.

Гриша чуть не заплакал — так глупо всё получилось. Он медленно пошёл в уголь и стал там лицом к стене. А все в классе молчали. Гриша стоял и разглядывал крапинки краски. . .

— На чём я остановилась? — спросила Маргарита Львовна.

В это время раздался грохот. Это стул упал сам по себе. Он упал около Маргариты Львовны, а ломаная ножка отлетела далеко под парты.

— Теперь мне ясно, — сказала Маргарита Львовна. — Костров, садись на место. А после уроков приведёшь папу в школу.

Гриша не понял сначала, зачем папу нужно вести в школу. Он пошёл к парте, а Маргарита Львовна продолжала говорить, не обращая на него внимания.

И только к концу урока Гриша понял. Учительница решила, что стул подставил он, Гриша.

Гриша посмотрел на Сивцова. Тот сидел как ни в чём не бывало. Делал вид, что внимательно слушает. Гриша посмотрел на Саню Куницына. Саня рисовал на ладони чернильные кружки, а потом размазывал их пальцем.

Урок кончился, и Маргарита Львовна сказала:

— Гриша, я напишу записку. Передашь её родителям. И стала эту записку писать.

А Сивцов сидел за своей партой, смотрел на Гришу злыми глазами и молчал. И никто в классе не сказал, что не Гриша подставил этот ломаный стул, а второгодник Сивцов.

Маргарита Львовна уже подписывалась, и вдруг Саня Куницын рядом с Гришей поднялся и громко сказал:

— Это я, Маргарита Львовна.

— Что — ты? — подняла голову Маргарита Львовна.
— Это я стул поставил. Я больше не буду.
— Правда? — спросила Маргарита Львовна. — Правда?
— повторила она ещё раз и оглядела всех.
Но все молчали.
— Хорошо, я поговорю с твоей бабушкой. А Гриша...
Гришиных родителей пока вызывать подожду.
Она взяла журнал и вышла из класса.
И второгодник Сивцов сейчас же вскочил.
— Дурак! — закричал он Сане. — И ты дурак тоже! —
он повернулся к Грише. — Я и сам бы мог... — Он хотел ещё
что-то сказать, но махнул рукой и выбежал в коридор.

Разговор в парадной

Серёжа Костров часто ходил по Тележной улице. Раньше, весной, этой улицы он и не помнил, а теперь каждый день после школы его тянуло сюда. У него были разные дела, например, на углу Суворовского проспекта и Четвёртой Советской улицы. На том углу висела вывеска: «Детская библиотека Смольнинского района». И Серёже давно полагалось сдать книги. В библиотеку. Каждое утро он брал их с собой в школу. «Сегодня уж точно сдам». Кончались уроки, и он шёл к Суворовскому проспекту. «Сегодня ни за что не сверну», — думал он про Тележную улицу. И... сворачивал. «Не сдавал месяц, день уж потерпят, а завтра обязательно сдам». И завтрашним утром снова нёс свои книги в школу.

На Тележной улице не было магазинов. Так бы можно было зайти, спрятаться от дождя, постоять, глядя на тротуар сквозь витрину. Даже афиш, чтобы долго разглядывать их, на этой улице не было.

Серёжа ходил по Тележной взад-вперёд и наконец видел девочку с красным шарфом, Олю Сорокину. Сразу Серёжа скрывался в парадную. Оля проходила мимо, а он выглядывал из-за дверного стекла. Потом он выскакивал на улицу и смотрел, а она шла. Он стоял, готовый снова спрятаться,

если она оглянется вдруг, но она не оглядывалась, а шла прямо, почти не сгибаясь, а он всё стоял и смотрел.

Однажды Серёжа наткнулся на Борисова. Вернее, не наткнулся, потому что Борисов шёл по другой стороне. Зачем он пришёл на Тележную — Серёжа в тот раз не понял. Серёжа сделал вид, что не заметил, сделал вид, что разглядывает тучи на небе. И Борисов его не окликнул.

Но когда он дошёл до конца улицы и повернул назад, они снова встретились. Серёжа снова мог бы отвернуться или даже спрятаться в подворотню, но не успел, потому что они — Борисов и Серёжа — столкнулись взглядами. И пришлось Серёже перейти на сторону Борисова, а когда он перешёл, Борисов спросил:

— Откуда и куда? — и улыбнулся.

Если бы Серёжа спросил первым, пришлось бы Борисову отчитываться. А теперь Серёжа не знал, что сказать и махнул рукой:

— Гуляю.

— И я тоже — гуляю, — сказал Борисов.

И они разошлись.

На другой день Серёжа шёл по той же Тележной, и то ли загляделся он на что-нибудь, то ли задумался, но Оля Сорокина появилась вдруг неожиданно и совсем близко.

Серёжа сразу вбежал в парадную и наткнулся в этой парадной, наскочил на стоящего у стены Борисова. Серёжа даже сказать ничего не успел, так это было неожиданно. А Борисов тоже — дёрнулся, сделал странное лицо и выскочил из парадной. От кого он так убегал — Серёжа не понял.

Но зато Серёжа вдруг понял, что это Олина парадная. И стена, на которой нацарапано непонятное слово «полиглот», а рядом две рожи. И батарея, покрашенная коричневой краской, хотя стена была синей, — всё это Олино, всё это Олина парадная. Через минуту в эту парадную войдёт Оля — и придётся что-то говорить, здороваться, глядеть на неё. К счастью, из парадной был ещё один ход — во двор.

Серёжа побежал по ступенькам к этому ходу, сначала по ступенькам вверх, потом — вниз. Но во двор он не выбежал, а встал у стены, у выхода.

Сразу хлопнула парадная дверь, и Серёжа понял: Оля. Дверь хлопнула ещё раз, кто-то кашлянул и сказал голо-
сом Борисова:

— Здравствуй.

Серёжа прижался к стене у своего чёрного хода, и мыслей у него никаких в голове не было, и он ничего не чувствовал и ни о чём не думал, только слышал их разговор.

— Ты тут живёшь? — спросил Борисов.

— Живу. А тебе какое дело?

Этих слов Серёжа боялся больше всего. Из-за этих слов он и не подходил к Оле Сорокиной всю осень.

«А тебе какое дело». Значит — уходи, я с тобой разговаривать не хочу и видеть не хочу, и вообще ты мне не знакомый.

Вот что это за слова: «А тебе какое дело».

Но Борисов — он как будто тех слов не услышал и сказал:

— А у меня тут друг живёт, Дима Макринов.

Оля не ответила. Может быть, потому, что Дима Макринов на этой лестнице никогда не жил.

— А ты из школы идёшь? — снова спросил Борисов.

Глупость какую он спрашивал. Любому дураку ясно, что из школы — откуда же ещё, из планетария, что ли.

— Из школы, — ответила Оля.

Она даже и не подумала, что Борисов спросил глупость.

— А я в вашей школе гимнастикой занимаюсь.

Оля молчала.

— А ещё я поэт, — сказал Борисов. — Хочешь, свои стихи прочитаю?

На втором этаже хлопнула дверь, и два человека громко затопали по лестнице. Наконец они вышли.

И вдруг Оля спросила сама:

— Ты какого больше любишь поэта: Пушкина или Лермонтова?

— Пушкина, — сказал Борисов, потому что Пушкин был знаменитей.

— А я Лермонтова.

«Вот врёт, — подумал Серёжа, — он и книг-то не читает, а ходит на свою гимнастику».

— У тебя дома рояль есть, да? — спросил Борисов.

Откуда он это узнал, было неизвестно.

— Пианино.

В это время по лестнице затопали с верхнего этажа.

— Ну, я пойду.

Но тут хлопнула ещё и парадная, и Серёжа услышал голос Олиной мамы.

Мама что-то сказала Оле, Оля ответила. И Борисов сказал что-то про стихи.

Серёжа плохо слышал, потому что по лестнице топали совсем громко, а ещё громче эти топающие разговаривали.

А потом Серёжа услышал:

— Раз пришёл, поднимайся наверх, — это сказала Олина мама весёлым голосом.

И все они трое: Оля, мама и Борисов — пошли по лестнице.

Уже закрылась дверь их квартиры, прошёл наверх ещё кто-то, потом залаяла собака в квартире первого этажа, и только тогда Серёжа отошёл от стены чёрного хода, пошёл к парадной, вышел на улицу и побрёл к перекрёстку.

На улице дул ветер и брызгал мелким холодным дождём в лицо. Серёжа дрожал от ветра и от дождя и медленно шёл к перекрёстку.

Вокзал

Зачем-то он пришёл на вокзал. Ему было всё равно, куда идти. И он бы, может быть, прошёл мимо. Но на него наскочили люди с чемоданами. Потом ещё пробежали мимо, другие. И тогда Серёжа пошёл вслед за ними, открыл тяжёлые двери, вошёл в зал ожидания.

В зале ожидания на всех скамейках ожидали чего-то люди. Некоторые внезапно вскакивали, хватали свои чемоданы и убегали. На их место сразу приходили новые. Диктор просил по радио провожающих освободить вагоны.

Однажды диктор чихнул по своему радио, но никто не засмеялся. Все были заняты проводами и отъездами.

Серёжа посидел на скамейке один, без вещей. Напротив сидела тощая тётка. Вокруг неё было множество тяжёлых мешков.

Сначала тётка дремала, а потом открыла глаза и стала зло смотреть на Серёжу.

Серёжа встал и пошёл к ларьку, где за стеклом лежали красивые журналы.

Тут на него снова наскочили люди с чемоданами. Их было человек шесть. Внезапно они поставили чемоданы на пол. Все вместе, одновременно. Сгрудились в кучу. Один из них, в клетчатом пальто, снял шляпу, помахал ею в воздухе и сказал остальным:

— Друзья мои! Друзья! В другую осень всё станет не так, всё будет прекрасно.

Человек замолчал, надел шляпу, и все они снова, будто по команде, взялись за чемоданы.

«Другой осенью не будет дождя, — подумал Серёжа. — Заснуть бы сейчас, а проснуться — здравствуйте, уже другая осень!»

— Другая осень! Чудаки! — услышал он вдруг рядом. Это говорил старик с большим чёрным зонтом. — Другой осени не бывает. Другой осенью мы пригласим других артистов.

Серёжа отошёл от этого злого старика к лотку с пирожками. Тут была очередь. Серёжа встал около лотка и посмотрел на пирожки.

Вдруг продавщица сказала:

— Скушай пирожок, мальчик.

Серёжа не сразу понял, что это ему, и только когда продавщица повторила снова: «Это я тебя угощаю, бесплатно. Скушай пирожок», — он вздрогнул и повернулся к выходу.

Около выхода его ещё раз стукнули по ноге чемоданом, толкнули. Он вышел на улицу.

Было совсем темно. Мимо ехали машины, их красные огни отражались в асфальте.

Серёжа посмотрел наверх, на часы, и повернул к дому.

Плот на реке Монастырка

Если бы они знали, что так будет, они бы не пошли в этот день через Лавру. Они бы пошли куда-нибудь в другую сторону, сидели бы в школе, делали бы что угодно. Лишь бы не идти по мосту, где написано: «Лавровский мост № 1».

Когда они, Галя и Гриша, шли по мосту, внезапно их кто-то позвал снизу, с воды.

Это был Кармен. Он стоял на плоту и грёб обломком доски. Плот продвигался медленно.

Кармен помахал им доской. Как ни в чём не бывало.

— Покатаемся! — крикнул он. — Спускайтесь к берегу!

— Вот ещё, — сказала Галя, но всё-таки стала спускаться к воде.

— Не бойтесь, — сказал Кармен, подгребая к ним, — прыгайте сюда. Путешествие на «Кон-Тики».

И Галя прыгнула. И Гриша тоже.

Лучше бы они не прыгали. Лучше бы повернулись и пошли домой. А ещё лучше бы и Кармена с собою взяли!

Кармен оттолкнулся от берега доской, плот зашатался, забулькала под брёвнами вода, и Гале стало страшно. Она даже покачнулась несколько раз. А Гриша — он ничего, стоял на толстенных брёвнах — и хоть бы что.

Кармен дал им по обломку доски, и они поплыли вдоль берега, потом выплыли на середину. Снизу река Монастырка оказалась намного шире, чем выглядела с моста. У одного берега и у другого плавали плоты, и они причаливали к ним по очереди.

И вдруг на них закричала толстая тётка с метлой. Лучше бы она не кричала! Она бы ни за что не кричала, конечно бы не кричала, если бы знала, чем всё это кончится.

— Убирайтесь с воды, хулиганы! — крикнула тётка и помахала метлой в воздухе. — Милиционера приведу! — крикнула она и стала перелезать через ограду моста, чтобы по берегу спуститься к воде.

И другие люди, которые раньше лишь смотрели на это плавание сверху, тоже стали ругаться.

Кармен принялся изо всех сил грести к берегу. Гриша и Галя ему помогали, но было мало толку от этой помощи.

Потом они подплыли близко к пустому плоту, который стоял у берега. Кармен прыгнул и крикнул Гале с Гришей, чтоб они тоже прыгнули.

Когда прыгнул Кармен, их плот слегка отодвинулся к середине. Гриша снял ранец и кинул Кармену. Прыгнула Галя, и плот ещё больше отодвинулся к середине. Между плотами получилось уже много воды. Даже плавала синяя крашеная щепка. А с моста продолжали кричать рассерженные люди.

Лучше бы они не кричали! Или бы уж крикнули Грише: «Стой! Не прыгай! Подожди!»

— Стой! — крикнул ему Кармен.

Но в этот момент Гриша прыгнул. Он прыгнул и сразу понял, что упадёт в воду. Он ещё не упал в неё, в эту холодную воду, а уже понял. И Галя тоже поняла, потому что она закричала вдруг:

— А-а-а!

Ничего больше она не кричала, только это. Плавать она не умела.

Гриша упал в воду, на секунду скрылся, потом вынырнул со страшно сморщенным лицом, что-то хотел крикнуть, но снова ушёл под воду, потом показались его скрюченные руки, потом затылок, потом он снова скрылся под водой.

Всё это время Галя кричала. Кругом все тоже кричали. И вдруг сверху, неизвестно откуда, вероятно с моста, потому что не с неба же, конечно, бухнулся прямо в одежде человек, облив брызгами её и Кармена. Кармен в это время, оказывается, сидел на корточках и совал Грише доску, за которую тот мог бы легко ухватиться, если бы у него было время сообразить.

Человек скрылся под водой, через несколько мгновений показался Гриша, потом голова человека, и Галя увидела, что это старик Бовин. Потом голова Бовина опять скрылась, и остались только его руки. Эти руки вытолкнули Гришу на плот, Кармен подхватил Гришу; тут к ним набежали люди, а руки ушли назад под воду и больше не появлялись.

Но Галя даже не обратила на это внимания. Она нахло-

нилась над Гришей, пыталась поставить его на ноги, а у него изо рта выливалась грязная вода и всё левое ухо было забито грязью, и он не стоял, падал, хоть глаза и были открыты. И Галя подумала, как же ей попадёт теперь от мамы и от папы и за мокрую одежду, и за грязь, и за всё, что случилось.

Какие-то взрослые люди оттеснили её, что-то делали с Гришей. Другие продолжали суетиться у воды, зачем — Галя не могла понять. А с моста, с берега, отовсюду бежали.

Гриша сидел уже там, удивлённо таращась на окружающих, а какой-то человек в военном отталкивал всех от него и кричал:

— Воздуху дайте! Дайте воздуху парнишке!

Гришу несколько раз вырвало, он даже не вставал. А потом он вдруг затрясся и громко-громко заплакал.

— Раз ревьёт, значит, ожил, — улыбнулся военный.

А у воды люди продолжали суетиться. И только тут Галя поняла, что они ищут старика Бовина.

И вдруг они закричали разными голосами:

— Вон он! Он! На том берегу!

И Галя увидела, что старик Бовин бежит по тому, противоположному берегу в мокрой одежде, а параллельно ему по берегу, Галиному, бегут люди и что-то кричат ему, просят остановиться. Старик бежал вприпрыжку, странно выкидывая ноги, он добежал первым до Лавровского моста № 2 и убежал в сад, который местные жители называют митрополичьим. Из сада был ход прямо во двор, домой.

В это время примчались две «Скорые помощи». Люди подхватили Гришу. Две женщины повели следом Галю; она не сопротивлялась, ей говорили какие-то тихие ласковые слова. А Кармен, когда и его тоже хотели посадить в машину, вдруг закричал, вырвался и отбежал в сторону.

Шофёр захлопнул двери, и машина тронулась.

Галя сидела на кожаном сиденье рядом с молодой санитаркой. Гришу раздели, завернули в одеяло и зачем-то положили на носилки, а носилки подвесили между стен. Он лежал там, а с его одежды около Гали растекались по полу лужи. Машина круто повернула, и Галя чуть не соскочила с сиденья, чуть не упала в эти лужи.

В больнице Галя сидела в специальной комнате. А Гришу, закутанного в одеяло, куда-то унесли.

Строгий доктор в очках записал всё, что рассказала ему Галя о катании на плотках. Ещё он записал про все болезни, которыми болел Гриша. Галя хотела рассказать и про Бовина, но в последний момент удержалась.

Потом привели назад Гришу. Он был в больничном халате. Длинный линейный халат тащился бы по полу, если бы Гриша не поддерживал его руками. Гриша был чистым и даже улыбался. Галя испугалась, что теперь его положат в больницу, — значит, от мамы попадёт ещё больше. Но следом молодая санитарка вынесла Гришину одежду. Одежда была выжата, и с неё теперь вода не текла.

Их вывели на улицу, посадили в ту же «Скорую помощь» и повезли домой.

По дороге Гриша показал на руке жёлтое пятно. Это ему сделали укол и смазали йодом.

Дома никого ещё не было, даже Серёжи. Молодая санитарка уложила Гришу в постель, взяла халат и уехала.

Вечером

Маме не пришлось ни о чём рассказывать. Она узнала о случившемся во дворе, когда шла домой.

— Это всё улица! Всё улица! — плакала мама вечером. — Я вам сколько раз говорила: гуляйте втроём. Из-за вас человек мог лишиться себя жизни!

Галя и Гриша сидели рядом на диване, опустив головы.

Папа не пошёл в авиамодельный клуб, остался дома и нервно ходил по квартире.

— Но вы скажите, что больше не будете. Дайте мне такое обещание! — повторял он.

И Галя с Гришей отвечали:

— Не будем, мы не будем больше.

У них можно было и не спрашивать. Уж точно — в эту осень они больше на плот не полезут.

Но папа через несколько минут снова им говорил:

— Дайте мне обещание! Твёрдое человеческое слово!

И Серёжу тоже никуда не пустили, хотя он-то, казалось, был и не виноват.

Его оставили дома, запретив выходить на улицу без разрешения.

Потом мама и папа надели пальто и, пошептавшись, ушли из квартиры на час. Через час они вернулись с большим тортом. Мама пошла наверх к старику Бовину, долго стучала в его дверь. Но никто к двери не подошёл, хотя иногда маме казалось, что в комнате Бовина кто-то ходит, а потом она услышала даже кашель.

Утром

Утром по радио диктор прочитал объявление:

— Управление милиции сообщает, — это диктор прочитал строго: — Вчера ученик первого класса Гриша Костров и его сестра, ученица третьего класса Галя Кострова, вместе с мальчиком, фамилия которого не установлена, катались на плоту в районе реки Монастырки. В результате несчастного случая ученик Гриша Костров упал в воду и стал тонуть. На глазах всех прохожих пожилой мужчина в чёрном костюме прыгнул с перил Лавровского моста номер один в воду и спас погибающего школьника. Фамилия пожилого человека осталась неизвестной. Всех свидетелей происшествия городской отдел управления милиции просит позвонить по телефону двенадцать-ноль семь-тридцать девять. Не отпускайте малолетних детей без присмотра на улицу! — снова строго закончил диктор.

— Достукались, доигрались! — сказала мама. — На весь город меня ославили.

— И меня тоже, — вставил папа. — Мне выговор могут дать по профсоюзной линии.

— А всё улица! Кто это был с вами третий, опять Кармен?

Галя кивнула.

— Жаль, в школу опоздаете. Я бы вам показала Кармена! Нет, придётся найти его родителей. Придётся им объяснить, как воспитывают детей!

Сегодня Гале страшно было подходить к школе. Сразу подбегут, начнут спрашивать, что и как. А что она скажет хорошего. «Может, к врачу пойти, сказать: зуб болит. Пусть даже здоровый вытащат, лишь бы не ходить в школу».

Но у самого входа, на улице, Галю ждала старшая пионервожатая.

— Ой, Галочка, — сказала она неожиданно добрым голосом, — что же ты наделала. Педсовет из-за вас собирают. А я так хочу, чтобы ты стала пионеркой.

Галя чуть не заплакала сразу. И старшая пионервожатая добавила:

— Ты не волнуйся. Постараюсь тебя отстоять. А за плот я тебя ещё буду ругать.

И она погрозила пальцем.

Борисов и Оля Сорокина

На первом уроке Борисов подтолкнул Серёжу и придвинул ему промокашку.

— Смотри, я стих написал.

На промокашке было написано вот что:

На луне подрались кошки
Из-за рыжих червяков.
А в реке искали ложку
Стаи тощих пауков.

— Это я про природу. Здорово?

— Зачем? — спросил Серёжа.

— Для Ольги Сорокиной. Она меня просила, чтобы про природу.

Серёжа не ответил.

— Я гимнастикой в её школе занимаюсь.

Серёжа молчал.

— Я ей поэму обещал написать, только когда? Уроков-то задают. . .

Серёжа молчал по-прежнему.

— Слышишь, а она тебя знает. Вы с ней в электричке ехали.

— В какой электричке? — вырвалось у Серёжи.

— Откуда я знаю. Это она сказала, я-то не ехал. — Борисов помолчал. — Мы с ней договорились дружить.

— Ну и дружите на здоровье, — сказал Серёжа и из всех сил сделал вид, что слушает учителя.

Коля Потапов

Вечером дверь открыл папа. Следом за ним вошёл Кармен. Кармен молчал, опустив голову. В руках у него был тот же планёр с кривыми крыльями.

Из кухни вышла мама. Но папа сразу сказал:

— Нам некогда. Мы будем работать.

Он снял с Кармена пальто, повесил на вешалку и провёл своего нового знакомого в маленькую комнату.

— Это Кармен? — спросила шёпотом мама.

— Неважно, — сказал папа, — это Коля Потапов. Мы будем работать.

Он захлопнул дверь в маленькую комнату. Из-за двери слышались иногда отдельные слова да шум папиной ножовки.

Потом папа проводил Кармена до двери. Кармен был без планёра, — вероятно, оставил в папиной комнате.

Папа открыл ему дверь, но он не уходил. Стоял у двери и чего-то ждал.

— Галя, — сказал папа, — ты проводишь своего товарища?

И Галя сразу вышла из кухни, где она была около мамы. И надела пальто. И пошла вместе с Карменом во двор.

Как только Кармен ушёл, дверь из кухни распахнулась, и мама произнесла:

— Ты мне скажи: это всё-таки Кармен?

— Он сконструировал новый тип планёра, понятно? — спросил папа.

— Мне понятно. Мне всё понятно, — ответила мама.

И вдруг на пороге появился старик Бовин.

Кармен не захлопнул дверь, когда уходил, и поэтому старик появился неожиданно и без стука.

Мама сразу же переменилась. Она улыбнулась старику. Но он не заметил.

— Гришенька, — сказал он, — если тебя пустит мама, поднимись ко мне. Мы давно не играли в шашки.

Мама улыбалась изо всех сил. Она смотрела на старика Бовина и улыбалась.

А он стоял, как будто не замечая.

— Гриша, быстренько собирайся, — сказала мама Грише. — Мы вам так благодарны, мы просто не знаем, как вас благодарить! — сказала мама Бовину, не переставая улыбаться.

Но старик Бовин прервал её кашлем. Он закашлялся и кашлял долго. Потом достал платок и вытер глаза.

Он ушёл, и мама сказала:

— Спас ребёнка, а сам не признаётся. Удивительный человек.

В этот вечер

В этот вечер космический корабль продолжал полёт в неизвестном космосе. Вокруг него перемигивались крупные разноцветные звёзды.

А папа Костров начал строить новую модель самолёта, которая долго не будет получаться, но когда-нибудь всё-таки получится.

В этот вечер по тоннелю метро, где герой труда Николай Симеонов сделал первый испытательный рейс, ехали пассажиры.

Некоторые устало дремали, некоторые смотрели друг на друга, и никто не знал, что кресло ведущего вагона, в котором сидел всегда Николай Симеонов, пусто. Сам же герой

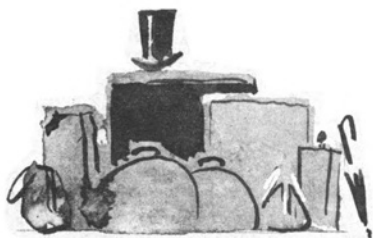
труда сидит теперь вдалеке за большим пультом и управляет несколькими поездами сразу.

А мама Кострова приготовила обед на два дня, села за стол на кухне, открыла первую страницу красивой папки и написала на ней большими ровными буквами: «ДИПЛОМ». Это значило, что через несколько месяцев она окончит свой заочный институт.

А Галя Кострова сделала уроки, села на диван и представила, как скоро ей повяжут пионерский галстук. И тогда все встречные, увидев её в красном галстуке, скажут: «Какая взрослая идёт девочка», — и сразу станут её уважать.

А Гриша Костров сидел у старика Бовина. Старик иногда покашливал. И они, Гриша и Бовин, договаривались тихими голосами о какой-то тайне, которая никому не была известна.

А Серёжа Костров ходил по улицам один, и ему не хотелось идти домой, потому что час назад он увидел девочку с красным шарфом, Олю Сорокину. Рядом с нею шёл ученик Серёжиного класса, Серёжин сосед, Валентин Борисов. Они шли, разговаривали, смеялись и прошли мимо Серёжи, его не заметив.

НЕ ХОЧУ
ОТ ВАС
УЕЗЖАТЬ

Я знаю, многие мечтают о путешествиях. «Эх, путешественником бы стать», — слышал я сколько раз. А я не мечтаю. Мне эти путешествия надоели. Я всю жизнь только и путешествую. Ни в одном месте ещё не оставался надолго.

А всё из-за папы. Мой папа — артист оригинального жанра. Видели на афишах человека в маске? Это мой папа. Народный артист Карамзин.

Я был во многих городах. В Москве был, конечно, и в Ленинграде. В Киеве был, в демократические страны ездил. А недавно я был в Америке. Только про это я рассказывать не люблю. Я вообще про поездки редко рассказываю, потому что все думают сразу: вот расхвастался. А в Америке я к тому же болел и почти ничего не видел, потому что окна нашего гостиничного номера заслонял сорокаэтажный дом, и я видел только его коричневую стену. Я простудился, и пока папа и все ездили на выступления, я лежал в номере и сосал лимон.

Однажды в этой Америке мне перевели статью из газеты обо мне самом. В газете откуда-то узнали, сколько я вешу и какого я роста. Я потом проверялся — точно, не соврали. А ещё в этой газете я увидел папу, сфотографированного под самым потолком театра. У него в программе такого номера не было, и я удивился.

Оказывается, однажды перед началом выступления на сцену выбежали трое неизвестных людей. Они выкрикнули хулиганские слова, подняли на канате фанерный лозунг про-

тив нашей страны и зацепили его за крюк под потолком. Зацепили — и убежали, хотя за ними погнался полицейский.

Зал был уже полный, зрители шумели, а над зрительным залом и над сценой висел кусок фанеры с чёрными позорными словами.

— Мы отказываемся выступать под таким лозунгом, — сказали мама, папа, тётя Розалия и все наши артисты.

Прибежал американский администратор, он извинялся, суетился, махал руками и сказал, что даже пожарным потребуются на снятие лозунга часа полтора.

А зал был уже полный, и все ждали начала.

Тогда на сцену вышел папа и по этому же тонкому канату быстро забрался на самый верх. Мама и тётя очень переживали, пока он лез, и никто в зале даже не шептал, все смотрели на папу, замерли.

Папа забрался под потолок, сдёрнул фанерный лозунг и сбросил его с высоты вниз. Ему за это долго аплодировали зрители. Они подумали, что этим смертельным номером начинается выступление советских артистов.

А потом, когда мы вернулись в Москву, папе дали звание народного артиста.

Но про тот случай я не рассказываю, конечно. Потому что он с папой был, а я лежал в номере, сосал лимоны и смотрел в коричневую стену дома, которая заслоняла окно.

В этом городе, где мы сейчас, я первый раз. То есть когда-то я жил в нём и даже родился, но совсем не помню. Хотя в моих метриках написано, что я родился именно здесь.

Иногда мама говорит, что пора отвезти меня к дальним родственникам в деревню, в Рязанскую область.

А тётя Розалия возмущается.

— Как же ребёнок станет расти без родительского воспитания? — говорит она.

Я хочу в деревню. И чтоб надолго, на постоянно. И чтобы люди все были вокруг меня — постоянные. А то не успеешь познакомиться — уже уезжать.

— Но он же без нас затоскует! — говорит мама. — Он отвык от нормальной человеческой жизни.

Мама когда-то была певицей. Тётя Розалия мне расска-

зывала, что папа однажды ехал мимо маминого дома на репетицию. Он ехал на такси, потому что опаздывал. И вдруг на перекрёстке, когда такси остановилось, папа услышал пение. Рядом в доме было открыто окно, а за этим окном пела моя мама. Папа выбежал из такси, нашёл маму в том доме и стал с нею знакомиться. А потом увёз её на своё выступление.

Теперь мама не певица, а ассистент папы, вместе с тётей Розалией. Но папа говорит, что их номер был бы обычной заурядностью, если б не мамин музыкальный слух.

Мама и тётя Розалия считают, что у меня неплохие данные. Это про то, что я ни разу не оставался ещё на второй год, хотя постоянно езжу вместе с ними и за год учусь в нескольких школах.

Я и правда, — сразу всё запоминаю. Легко это получается. Уроков почти не делаю — только письменные.

Может, это в мамино время было трудно учиться. А сейчас, мне кажется, целые месяцы в школах проходят одно и то же.

Уезжаешь, например, из Владивостока. Не учишься месяц. Потом приезжаешь в Москву, а в школе всё то же самое местоимение проходят. Только учитель другой и ребята новые. А порядки и правила всюду одинаковы. Даже у стенных газет одинаковые названия: «За отличную учёбу», «Еж».

Из-за наших разъездов меня до сих пор не приняли в пионеры. А я тоже хочу носить галстук, как все. Хочу выполнять торжественное обещание. Хочу отдавать салют и говорить, когда нужно, «всегда готовы!».

Может быть, здесь меня примут. Папа говорит, что надо приложить все усилия.

В этом городе я не был ни разу после своего первого года. Об этом я уже говорил.

Здесь жила наша мама. И есть где-то её улица. И мамина школа. И мамина филармония, где она пела, пока не встретилась с папой. Даже мамина булочная была. Папа показал мне тот дом, когда мы ехали на такси с вокзала. Но там теперь канцелярские принадлежности.

Через два дня кончается лето. Начнётся школа. Завтра мы пойдём записываться.

В школу мы пошли записываться вчетвером: папа, мама, тётя Розалия и я.

Обычно я хожу только с папой, но сегодня выступления вечером не было, и поэтому мы пошли вместе.

Директором школы была пожилая женщина. Если бы я встретил её на улице, я бы и не подумал, что она — директор. Обыкновенная старушка, каких в каждом городе много, они любят бродить по магазинам и все друг на друга похожи.

Я видел разных директоров. Эта старушка, наверное, была хорошим директором.

Она сразу заулыбалась, как увидела папу. Потом папа назвал место работы, и она снова заулыбалась.

— Я помню, я вас хорошо помню, видела по телевизору, — говорила она и всё улыбалась.

И папа тоже обрадовался, стал ходить по кабинету, подёргал себя за ухо.

Директор достала списки классов и начала выбирать класс для меня.

— В самый лучший, в самый хороший его запишем, — говорила она.

А я всё ждал, когда она спросит меня о галстукe. Увидит, что я без галстука, и спросит. И придётся объяснять. Сколько раз объяснять приходилось, а неприятно.

И вдруг мама начала сама:

— Вы знаете, у нас есть одно «но».

Директор подняла голову от классных списков и удивлённо спросила:

— Какое... «но»?

И сразу улыбнулась.

— Наш Саша способный мальчик...

— Не при нём будь это сказано, — вставила тётя Розалия.

— Наш Саша способный мальчик, но он... — продолжала мама.

— Неужели второгодник! — директор ужасно испугалась, наверное, потому что сразу перестала улыбаться и прикрыла списки. — Как же ты, Саша?

Папа махнул рукой маме и тётё Розалии, чтобы они остановились, и сам начал объяснять.

Лучше бы я за дверью стоял и не слушал, стыдно всё-таки, когда про тебя говорят, что ты не пионер, хоть и по уважительным причинам. Папа хватал себя то за нос, то за уши и всё объяснял, пока директор его не прервала.

— Вы говорите, он не исключался, просто не успели принять из-за частых разъездов?

— Да-да. Конечно, да-да.

— Примем. У нас обязательно его примут. — Она снова заулыбалась. — Сам-то ты хочешь быть пионером, Саша?

У меня вдруг не стало голоса, и поэтому я кивнул и тихо прошептал:

— Да.

— Прекрасно. Ребята дадут ему поручение.

* * *

Не люблю я любопытных людей.

Меня часто спрашивают:

— Ты где живёшь?

Будто им так уж обязательно знать мой точный адрес.

Если я говорю, что в гостинице живу, эти любопытные прямо подпрыгивают от удивления и придумывают сто новых вопросов.

— Почему в гостинице? А как? А где?

Или ещё противный вопрос:

— Денег отец твой много зарабатывает?

Я почти всегда вру, если меня так спрашивают.

— Где живу? Да так, далеко, — и машу рукой. — Кто отец? Да так.

Я думаю, человеку вообще нельзя задавать пустые вопросы. Нужно, чтобы самому захотелось про себя рассказать. А такое заслужить ещё надо, потому что не каждому можно все свои тайны доверить. А то, как зовут, даже не знают, а сразу тайны выпрашивать.

Когда я иду в новый класс, я всегда боюсь пустых разных вопросов.

И сегодня утром я решил специально идти тихим шагом, чтобы прийти прямо к звонку. Но по дороге забыл, что спешить мне не надо, перед школой даже побежал бегом и поэтому пришёл рано.

На третьем этаже я отыскал свой класс и стал ходить по коридору около двери, а потом прислонился к окну, будто разглядывал, что там творится на улице.

В классе на меня никто не смотрел, а все смотрели на двух ребят, те рассказывали что-то и махали руками. Рассказывал, в основном, один, а другой быстро повторял за ним:

— Тенц-бемц, и всё в порядке.

Наконец зазвенел звонок. Все, кто были в коридоре, разбежались. Мимо меня быстро прошли учителя. Одна учительница вошла в мой класс и захлопнула дверь. Я всё стоял в коридоре около этой двери и не решался войти.

Вдруг учительница вышла снова, посмотрела на меня и сказала:

— Саша Карамзин, что же ты не в классе?

Я даже вздрогнул, как она мне сказала.

— Это Саша Карамзин, — сказала учительница, закрывая за мной класс, — он будет сидеть... Ты хорошо видишь?

— Хорошо, — сказал я.

— А слышишь?

Я кивнул.

— Он будет сидеть с Коробицыной.

И она показала моё место в конце колонки.

* * *

На перемене к столу вышли двое ребят.

— Взносы в Зелёный патруль, — сказал один. — Несите завтра.

— В Красный Крест и Полумесяц тоже не забудьте, — сказал другой.

«Здорово, — подумал я, — принесу завтра взносы и сразу себя проявлю с хорошей стороны».

У меня были деньги на школьный завтрак. Я их посчитал пальцами в кармане, подошёл к столу и спросил:

— Сегодня тоже можно внести? У меня хватит, наверное.

— А вступительные ты заплатил?

— Разве нужно ещё вступительные?

— Членский билет принёс?

— Какой билет?

— Во притворяется! Не знаешь, что ли. Сначала вступить надо, а потом уж членские взносы плати.

И я вдруг испугался, что они могут меня не принять.
— Вы только пионеров принимаете? Или и другим можно?

— Конечно, пионеров. А ты кто, не пионер, что ли?

И они оба удивлённо на меня посмотрели.

Тут загремел новый звонок, все побежали из коридора, толкая друг друга, а я пошёл быстрее к своей парте.

* * *

Девочка, с которой меня посадили, была очень странной. Она молчала. Я всё ждал, когда она скажет что-нибудь, но за весь день она не сказала ни слова. Сидела, уткнувшись в свою тетрадь, или смотрела на доску. А на меня не смотрела. Не смотрела в окно. Не смотрела по сторонам. И я тоже стал делать вид, что ею не интересуюсь. Несколько раз мне вдруг казалось, что она меня разглядывает. Я внезапно поворачивался — нет, она листает тетрадь.

Впереди меня сидел толстый ученик Феофанов. Он громко сопел на весь класс, вздыхал, кряхтел и ворочался. Он тоже ни с кем не разговаривал.

И на переменах ко мне никто не подбегал и не спрашивал, кто я такой и откуда взялся.

Наверно, подумали про меня, что просто я второгодник.

Я всё ждал, что мне дадут поручение, чтобы я быстрее себя проявил.

Но председатель отряда не подходил, даже учительница про мою биографию не спрашивала.

Все были заняты своими разговорами и делами. А я был один. В перемену стоял у окна. Там стоять было мне неудобно, всё казалось, что кто-нибудь за мной наблюдает.

Только в большую перемену мне стало легко. Я пошёл в буфет, и там никто уж не знал про меня, что я новенький. Вокруг толкались, лезли без очереди, и я тоже начал толкаться, как все.

После уроков я сам решил подойти к председателю совета отряда. Я узнал уже, что его зовут Носовым.

— Когда у вас в пионеры принимать будут? — спросил я его на лестнице.

— Чего? — удивился Носов и даже остановился.
— В пионеры когда у вас приём?
— У нас все давно приняты. — Он осмотрел меня со всех сторон. — А ты разве не принят?
— Не успел, — вздохнул я, — всё ежду.
— А я подумал, ты просто галстук оставил дома. А тебя не исключили?
— Не исключили. За что меня исключать?
— Почему тогда в старой школе не приняли?
— Да я говорю, мы всё едим с папой.
— Я узнаю, спрошу пионервожатую, — сказал Носов.
И на этом наш разговор кончился. Я пошёл вниз, в раздевалку и к выходу, а Носов — в пионерскую комнату.

* * *

— Всё могло быть проще, — сказала тётя Розалия папе в гостинице. — Ты мог давно купить ребёнку галстук. Ты же коммунист, ты имеешь право принять его в пионеры.

— Нельзя, — сказал я, — нужно, чтобы я проявил себя в классе.

— Дурачок, ты ничего не понимаешь — и поэтому молчи.

— В самом деле, это так просто, — вставила мамина знакомая, которая зашла на минутку, — так просто сказать, что ты пионер. Прийти в галстук и сказать. И все сразу поверят.

— Саша разбирается в этом лучше вас, — сказал папа.

— Конечно, — сказал я.

Потом мама, папа и тётя уехали выступать, а я остался в номере один.

Я почитал стихи Пушкина про осень.

До этого года папа хотел, чтобы я стал артистом. Мама моя и тётя Розалия всё ещё думают так.

А я не хочу. Я вообще к выступлениям равнодушен. А люблю я читать стихи Пушкина.

Тётя подарила мне шесть томов — полное собрание сочинений. Пусть, говорит, читает.

И читаю. И во все города ездят они, эти тома, вместе с нами. Только я читаю три первых тома, где стихи. А где повести Белкина и другие повести, те тома не читаю. Ещё там

есть дневник. Это совсем уж стыдно читать. Понимаю, если бы Пушкин сам написал: «После моей смерти обязательно поскорей напечатайте». А то, может быть, просто сжечь не сумел, наверно, потому, что лежал без движения, раненный Дантесом.

Я почитал стихи Пушкина про осень, а потом посидел у окна.

По площади ездили машины, мигая огнями. Они объезжали тёмный памятник, стоящий в центре. Потом, мешая машинам, к памятнику стал пробираться человек в плаще. Он долго шёл от машины к машине, подошёл наконец к этому памятнику и, размахивая руками, начал с ним разговаривать.

А я вдруг заснул. И мне приснился шкаф. Он стоял у стены на своём месте и важно отдувался. На шкафу был повязан большой пионерский галстук. Я сидел на полу, шкаф в галстuke важно смотрел на меня, а я сидел посреди комнаты и плакал.

Я даже проснулся от этого плача. Проснулся — и в самом деле у меня текут слёзы. Я всхлипнул несколько раз, пока не понял, что я не сплю, а сижу в номере у окна.

* * *

— Что же ты не рассказываешь про свой класс? — спросили меня мама и тётя Розалия. — Два дня уже проучился.

А я не знал, о чём рассказывать.

— С кем-нибудь подружился? Поручение дали?

— Это не так просто, — ответил за меня папа.

— А девочку? Ты узнал, как зовут девочку, с которой сидишь?

— Коробицына.

— Коробицына? — удивился папа. — Знакомая фамилия.

— Ты так и зовёшь её — Коробицына? — спросила мама.

— Я с ней не разговариваю.

— Уже успели поссориться! — испугалась тётя Розалия.

— Она молчит целый день, и я тоже. А так — нет, не ссорились.

— И ты тоже молчал? Два дня промолчал? — удивилась мама.

— По-видимому, их учитель применяет верные методы педагогики, — сказала тётя Розалия.

Папа говорит, что у тёти такая любовь — к умным словам.

* * *

Сегодня после уроков ко мне подошли ученики Чистяков и Четвериков. Они ходили вместе всё время и по коридору, и в буфет, и даже в уборную.

А сегодня они подошли ко мне.

— Слушай, ты чего один? — сказали они. — Поехали с нами.

— Куда?

— А куда попало, — сказал Чистяков.

— Тенц-бемц, куда поедет, туда и приедем, — сказал Четвериков.

Я так никогда в жизни не ездил, чтоб ехать и знать, что никуда не еду и ни за чем не еду, а просто так еду.

— Поехали на этом трамвае! Смотрите, какой трамвай! — закричал Чистяков на улице.

Трамвай был самый обыкновенный.

— Ты на водительницу посмотри! — хохотали Чистяков с Четвериковым.

В кабине сидела старая-престарая тётка. Курила трубку. Потом вынула трубку и пыхнула дымом.

Людей в вагоне было немного. Мы стали смотреть в окна.

— Давай считать военных, — предложил Чистяков. — Мы на той стороне, а ты — на этой. У кого больше.

Первым военным у меня был суворовец.

— А милицию? Милиционера тоже считай, — сказал мне сосед пассажир.

Трамвай дошёл до конца, и там начинался парк, сразу от остановки.

«Приглашаем на день здоровья, — висела на главных воротах афиша. — Беседы с врачами, медицинские викторины».

Людей почти не было в парке, а может быть, все праздновали своё здоровье и беседовали с врачами.

На дорожках лежали разноцветные листья. Жёлтые, красные. Мы шли, поддевали их ногами, и листья приятно шуршали.

Потом мы вышли к озеру.

Вся вода была гладкой и не двигалась. В озере отражались деревья, кусты, даже небо с облаками. Мы тоже отражались в озере.

У другого берега стояли лодки. Деревянный помост и пустые лодки. Лодочная станция.

— Пошли туда, — сказал Чистяков, — покатаемся.

Мы подошли к пристани, но от лодок нас прогнал сторож.

Мимо нас провела малыша молодая мама. Она шла к лодкам, вытянув руку с талончиком.

— А мы вас поката́ть можем! — крикнул ей Чистяков.

Мама остановилась.

— Разве вы умеете? — спросила она.

— Умеем! Мы умеем! — обрадовались Чистяков и Четвериков.

— Я не знаю... Вам ведь деньги надо платить?

— Не надо, мы за так.

Они вчетвером пошли на лодку, а я остался, потому что был лишним.

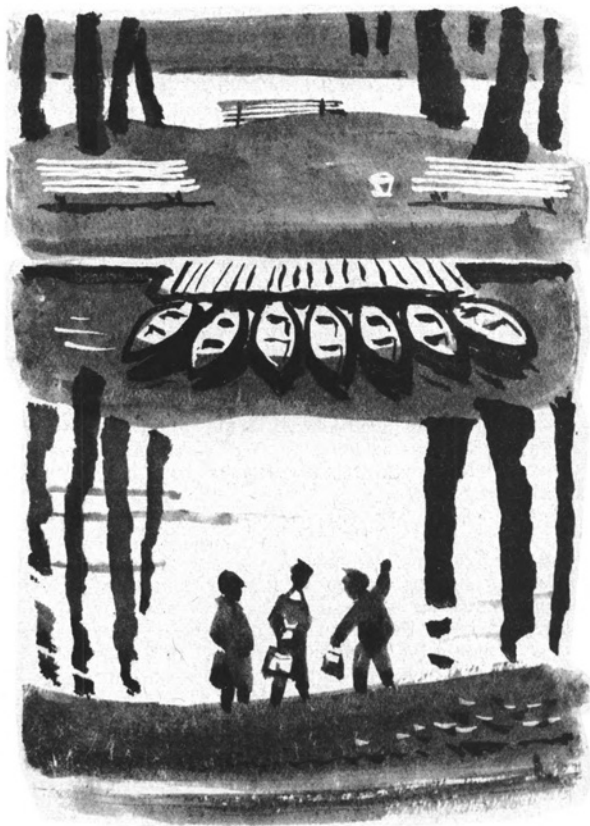
— Попросись, как мы, и догонишь нас, — сказал мне Чистяков.

Но я не мог, как они, просить.

Мимо несколько раз проходили матери с детьми, а я так и не предложил им: «Давайте я вас покатаю». Даже догнал одну старушку с мальчишкой-детсадником, чтобы предложить, но в последний момент свернул в сторону и притворился, что рассматриваю упавшие на землю листья.

Чистяков и Четвериков сидели на вёслах в своей лодке, а молодая мама на задней скамейке держала малыша.

А я ушёл под большое дерево и смотрел, как в ровной воде красиво всё отражается. Я смотрел долго и даже не заметил, сколько прошло времени. Потом я увидел Чистякова и Четверикова. Они как раз выходили из лодки.

— Я мозоли, тенц-бемц, натёр, — сказал Четвериков, — во как мы много катались.

Мы ещё ходили вдоль берега.

Около воды лежали белые камни большой кучей. Мы стали кидать камни, кто дальше.

— Я кину, тенц-бемц, это уж кину, — сказал Четвериков. — Я с разбегу буду кидать.

Он разбежался и не успел остановиться. Прямо с камнем он влетел в воду. И встал там, в озере. У него и брюки стали мокрыми, и лицо он себе всё забрызгал. Он стоял по колено в воде и смеялся.

— Тону! Ой, спасите, тону! — кричал он, смеясь.

Мы вытащили его за руки.

На асфальте за Четвериковым оставались мокрые следы. До самого выхода из парка шла за ним мокрая дорожка.

У выхода стоял автомат с газированной водой. Он был, наверно, испорчен. За одну копейку наливал уйму газированной воды, целое ведро, и никак не мог остановиться. А сироп не лил. Но вода и без сиропа была вкусной.

Мы ехали назад в том же трамвае. Та же водительница пожилая курила свою трубку и объявляла басом остановки.

Мы гуляли, а она успела сводить трамвай до другого конца и вернуться к нам.

* * *

Утром по дороге в школу я решил, что заговорю сегодня с Коробицной сам. Смешно, сидим рядом на всех уроках, кроме физкультуры, и не сказали ни слова. Она, как увидит мой взгляд, так сразу отводит глаза в сторону и молчит. И я тоже почему-то сразу прячу глаза.

Сегодня уже я обязательно заговорю, решил я. Приду и заговорю.

— Привет, — скажу, — я тебя видел вчера.

Она заинтересуется сразу, где это я её видел. Вот и разговоримся.

Когда я вошёл в класс, она уже сидела на своём месте. И я забыл, что надо заговорить с ней, потому что ожидал, что она придёт после меня. И мы опять стали молчать.

Но на первом уроке она сама вдруг написала записку.
«Как вас зовут?» — вот что она написала.

Удивился я этой записке! За что она вдруг меня на «вы» назвала!

Но я ничего не сказал и написал: «Саша».

«А меня — Марина Коробицына», — ответила она.

Я промолчал. Тогда она ещё написала: «Вот мы и познакомились. Правда?»

«Странная какая!» — удивился я про себя. Но всё-таки кивнул головой в ответ.

На следующем уроке мы снова молчали. Я теперь совсем уж не знал, как с ней разговаривать. Не на «вы» же. Все удивятся, если я её «вы» назову. Подумают, издеваюсь. Мы ведь не англичане.

— Ты не обижаешь свою соседку? — спросили меня мама и тётя Розалия в гостинице. — Какая она из себя?

— Хорошая девочка, — сказал я. — Вежливая такая и умная.

— Ты её не обижай, — повторила мама.

* * *

После уроков класс оставили на сбор отряда.

— А мне на сборе можно сидеть? — спросил я председателя Носова.

— Конечно, нельзя. Примем, насидишься ещё.

Я вышел из класса, спустился вниз на другой этаж, постоял там около цветка бегония, а потом поднялся снова и подошёл к нашей двери. «Сбор уже начался, наверно», — подумал я и хотел посмотреть в щёлку из коридора.

Но на лестнице вдруг слышались голоса учителей. Я испугался и в самом деле пошёл из школы.

* * *

Утром ко мне подошёл Носов.

— Карамзин, — сказал он, — знаешь, что мы обсуждали вчера?

— Нет... Откуда я знаю?

А сам испугался: «Неужели видели, как я подглядывал?»

— Решили дать тебе поручение. Ты себя проявишь, и мы тебя примем.

— Поручение? — спросил я сразу. А сам ужасно обрадовался, потому что ни в одной школе поручений у меня ещё не было. Хоть иногда и обещали.

— Ты не думай, мы тебя и без поручений приняли бы, но старшая пионервожатая говорит, что надо тебе поручить ответственное дело. Ты будешь вести учёт.

— Какой учёт?

— Учёт отметок в своём звене. Передавать их Помещикову каждый день. Он у всего отряда учитывает.

— Хорошо.

— Умеешь ведомость графить? Помещиков покажет.

Наше звено получило в этот день пятёрку, две тройки и одну точку.

— Ты точку не ставь, — сказал Помещиков, — точку учитель для себя ставит. И минусы тоже не ставь. Совет дружины минусы у меня не принимает.

* * *

Мама, папа и тётя Розалия уехали на репетицию. И некому было рассказать про поручение. И показать ведомость.

Я привык ложиться спать в пустом номере. Папа и мама приезжают с выступлений поздно. Они тихо ступают по полу, говорят шёпотом, чтобы не будить меня, потому что я встаю утром раньше их.

И я люблю лежать вечером в кровати; в номере темно и тихо, ходят люди по коридору, иногда они проходят совсем рядом с дверью, и я слышу их разговор.

По стене напротив окна движутся светлые квадраты и тени. Это по улице едет машина. Светит фарами.

Я лежу под одеялом, укрывшись по уши, и думаю. И так приятно всегда думать. Я и не помню, о чём я думал минуту назад. Думаю обо всём, о стихах Пушкина; я даже помню, на какой странице какая строчка. И помню, наверху эта строчка или внизу, в конце страницы. Думаю о гладком крапчатом доге с тяжёлыми золотыми медалями на шее. Этот дог

сегодня два раза попался мне навстречу на разных улицах. Думаю о странном скрипе, которым скрипит шкаф, когда погасишь свет.

Потом я засыпаю.

Утром, как всегда, под подушкой зазвонил будильник.

Это — чтоб звон был не такой противный и чтоб не будить маму и папу.

Но папа всё равно просыпается, и мы с ним разговариваем.

Я показал папе ведомость, две тройки, пятёрку и точку.

Потом стал делать зарядку. Не люблю я делать зарядку, с удовольствием бы её бросил, если бы жил один. Но и папа, и мама, и тётя Розалия меня заставляют. Хотя несколько людей я знаю — огромные силачи, а спортом не занимаются. От рождения у них сила.

Раньше, когда я был маленьким, меня кормили в номере. Еду приносили из буфета дежурные. А теперь я сам завтракаю в буфете.

От буфета всегда вкусно пахнет. У разных залов свои запахи. У нас на этаже — сосиски с гречневой кашей. И я съел эти сосиски и гречневую кашу.

Сегодня работала буфетчица тётя Ада. Она спросила: — Твои спят, Саша?

Она мне каждый раз задаёт этот вопрос.

И другая буфетчица спрашивает одинаково:

— Ну, сколько двоек нахватал?

Когда я один пришёл в буфет первый раз в жизни, мне было трудно завтракать. Казалось, что все на меня смотрят, раз я один среди взрослых, что хотят выгнать. И вилка у меня часто падала; однажды я даже уронил стакан с чаем и подмочил соседу сладкую булочку. Вот как я стеснялся сначала. А теперь я привык. И даже замечаю, как некоторые другие стесняются.

В школу Марина снова пришла раньше меня. И только начался первый урок, она снова написала на промокашке:

«Давайте дружить».

Я ответил: «Хорошо».

Она написала: «Приходите ко мне в гости». И сразу смяла эту промокашку.

На втором уроке меня, наконец, вызвали. Меня ещё ни разу не вызывали за всю неделю, хоть я готовился каждый день, чтобы хорошо ответить и показать себя с лучшей стороны. Я не люблю писать на доске мелом, мел крошится, и

руки от него делаются сухими, но тут я старался и грамматический разбор сделал правильно, и даже добавочно сам сказал, что такое подлежащее. Сказал и вдруг почувствовал, что класс странно как-то молчит. А Чистяков и Четвериков щёлкают пальцами в мою сторону. И учительница ко мне повернулась и спрашивает:

— Повтори, Саша, что такое подлежащее?

Я сразу понял, что я подлежащее назвал сказуемым. От волнения или ещё почему. Главное, я хорошо же понимал между ними разницу.

Я повторил, теперь уже правильно, учительница кивнула, поставила мне пятёрку, и я пошёл к парте. Но всё равно было мне неприятно, как будто я и в самом деле не знал разницы между этими подлежащими и сказуемыми.

После уроков у выхода меня ждала Марина. Я вышел последним. Оглянулся, она ждёт. И я понял, что мы пойдём к ней в гости.

— Зайдёте в булочную, мне надо хлеба купить, — сказала она.

Мы зашли в булочную.

Потом мы зашли в гастроном и купили молоко, творог, колбасу и мясо. Мы стояли в разных очередях: Марина за творогом, а я — за колбасой.

Я редко хожу в магазины, всегда тётя ходит. А в очереди вообще никогда не стоял. И на меня все смотрели с удивлением.

Мы вышли на улицу, и я подумал, что нужно взять у Марины сетку с продуктами, помочь ей нести. Всюду пишут, что мужчины должны таскать тяжести вместо женщин. Но мне было стыдно: мальчишка — и вдруг продукты несёт.

Марина перехватила сетку в другую руку, и я сказал, глядя в сторону:

— Помочь?

Она называла меня на «вы», а я не мог. И придумывал предложения так, чтобы имени в них не было. От этого у меня все слова делались неуклюжими, даже голосом не своим я говорил.

— Спасибо, я сама, — сказала Марина.

Но я уже взялся за сетку, а Марина её отпустила, и я понёс.

«Лишь бы никто из класса не встретился, — думал я. — Объяснять придётся, придётся останавливаться, что-нибудь говорить. А что говорить? Донесу до двери и сразу скажу, что некогда мне», — решил я. На «вы» зовёт, хитрая. Сетку ей некому таскать, вот и эксплуатирует.

— Это мой дом, — кивнула Марина на серый дом с балконами.

Она остановилась у парадной и заслонила мне дверь.

— Саша, — вдруг сказала она и замолчала,

«Чокнутая какая-то», — подумал я.

— Саша, у меня папа дома. Вы меня на «ты» зовите. Хорошо? Потом снова можно на «вы».

— Хорошо, — сказал я. Как будто мне так понадобилось — на «вы» её звать. Я её вообще никак не называл. — Меня никто на «вы» не зовёт, — сказал я.

— И меня.

— Ладно, — сказал я, — пошли к твоему отцу.

— Пошли, — сказала Марина, а сама осталась стоять у двери.

— Мне домой надо позвонить, что я задерживаюсь.

— От нас и позвонишь. Ну, пошли.

Марина ещё долго ковыряла ключом в замке, не могла отпереть, так что я решил уже ей помочь и переложил сетку в другую руку. Но она как-то странно на меня посмотрела, и дверь открылась.

Мы вошли в прихожую. Было темно, но Марина не стала зажигать свет. А я не знал, что делать с сеткой.

— Марина? — крикнул откуда-то из комнаты Маринин отец. — Ты не одна пришла?

— Я с Сашей. Саша Карамзин из нашего класса.

— А-а, Карамзин. Да-да, знакомая фамилия. Ну, проходи, Саша Карамзин.

Марина так и не зажгла свет. Я не знал, что мне делать в тёмной прихожей, хорошо хоть, пальто на мне не было. Своё пальто Марина вешала куда-то в темноту, а оно каждый раз срывалось и падало на пол.

— Саша, папа мой не видит, — зашептала вдруг Марина так тихо, что я не сразу понял.

— Чего не видит? — спросил я тоже почему-то шёпотом.

— Что вы там шепчетесь, я ведь всё слышу, — засмеялся Маринин отец.

И мы пошли в комнату по тёмному коридору.

Он сидел в кресле. А кресло было на винте, как стул у пианиста, и поворачивалось в разные стороны. Он был в больших тёмных очках, в чёрном костюме, в белой рубашке с галстуком. Как будто оделся на праздник, на торжественный день.

— Здравствуй, Саша Карамзин, — сказал он, повернув ко мне лицо с очками. — Вы пришли вовремя. Я как раз кончил работу.

И я увидел на столе позади него кучу металлических мелких деталек.

— Марина, ты ведь уже поставила чай?

— Поставила, — сказала Марина и пошла на кухню.

— Ну, расскажи, как ты живёшь. Это я просил Марину, чтоб она тебя привела.

— Хорошо, — сказал я, — живу.

— Ты недавно приехал. Откуда же ты приехал?

Я не знал, что ему сказать. Не рассказывать же, что я из Америки недавно приехал. Другому кому я бы ещё сказал. Тот другой и сам может съездить в Америку. А уж Маринин отец точно никогда не поедет. Получается, что я начну хвастаться.

— Я приехал из Вологды, — сказал я.

— Из Вологды? Интересно. Я там жил когда-то, в Вологде. На Широкой улице. Ты на какой жил?

Какую бы назвать улицу? Вдруг он все улицы знает.

— На проспекте Космонавтов, — сказал я, потому что во многих городах Советского Союза есть такие проспекты.

Тут вошла в комнату Марина и стала греметь чашками.

— Ты, наверное, есть хочешь, — сказал Маринин отец, — а мы обедаем поздно. Мама у нас поздно приходит.

— Я в большую перемену наелся, — сразу сказал я.
— А папа твой — он тоже с вами приехал? — спросил Маринин отец.

— С нами. Мы всегда вместе ездим.

Зачем я это сказал! Всегда ездим. Теперь он спросит: «А что же это вы всегда ездите?»

— А что же это вы так часто ездите?

— Мы редко. Так, иногда переезжаем.

— Он кто, твой папа, по специальности?

Всё, теперь придётся врать. Как-то неудобно мне говорить правду. Что я скажу: «Работник оригинального жанра»? Он сразу спросит: «Что это за жанр — оригинальный?» И начнётся. И всё как будто я хвастаю.

— Мой папа пусконаладчик, — сказал я.

В одной школе я учился с Димкой Макриновым. Он тоже всё ездил, как и я. А отец у него был пусконаладчиком.

— Понятно. Новые заводы пускает?

— Да, почтовые ящики.

Я так сказал, чтоб больше уж никаких вопросов не было: секретная работа.

Маринин отец в самом деле перестал задавать вопросы. Он даже сразу устал как будто.

Мы допили чай молча.

— Идите в другую комнату, — сказал он, — я тут посижу один.

— Ты не обижайся, что он тебя так расспрашивал, — сказала Марина в другой комнате. — У него был товарищ — артист Карамзин. Ты что? — спросила она вдруг.

— Я? Я ничего. Я не артист.

И я услышал, как в другой комнате закашлял Маринин отец.

— Любишь читать сказки? — спросила Марина. — Я так очень люблю.

На этажерке у неё стояли толстые, тонкие, разноцветные и неразноцветные книжки. Всё это были сказки. Сказки братьев Grimm, сказки дядюшки Римуса и просто сказки, народные.

Я стал рассматривать одну книжку со сказками, но вдруг зазвенел звонок.

— Это ко мне, — сказала Марина, — пойдём.

Она потянула меня в прихожую. Там я споткнулся о сетку, потому что было так же темно, как и раньше.

Марина открыла дверь, стало немного светлее, и вошла маленькая девочка.

— Ты приходи ещё, — сказала Марина мне, — обязательно приходи.

Я и не собирался уходить. Но раз она так решила, надо было уйти. Не говорить же, что хочешь остаться.

— Саша уходит, папа!

— Да-да, до свидания, Саша, — сказал Маринин отец из своей комнаты.

Я вышел на лестницу. Сразу за мной Марина закрыла дверь.

По лестнице поднимались ещё две маленькие девочки и один мальчик. Они внимательно на меня посмотрели, когда проходили мимо. Потом они остановились у Марининой двери. И самая высокая потянулась к звонку.

А я побежал вниз.

— Очень ты задерживаешься, — сказали мне мама и тётя Розалия в гостинице. — Мы уже одеты, а папа не дождался даже.

Лучше я его завтра спрошу о Маринином отце, подумал я про папу.

* * *

Я шёл из школы, и вдруг меня подозвала старушка. Я сразу понял, что это не советская старушка, а какая-нибудь иностранная туристка. Точно, она мне так и сказала:

— Мальчик, я приехала из Англии. Ты знаешь такую страну?

— Знаю, — сказал я.

— Покажи мне, пожалуйста, дом, где я смогу починить часы.

— В мастерской, за углом налево.

— Ты, конечно, меня проводишь? — спросила английская старушка. — Я тебя поблагодарю.

Если бы я знал, что будет дальше, я бы ни за что не стал её провожать.

— Я живу в городе Лондон, — сказала старушка. — Ты слышал когда-нибудь о таком городе?

— Да, — ответил я, — слышал.

Я бы мог сказать, что даже был в этом городе и катался в парке верхом на маленькой лошади, или о площади Пикадилли мог спросить, но лучше молчать, подумал я.

— Ты, конечно, пионер? У вас все дети — пионеры.

— Нет, — ответил я, — мне дали поручение, и если я себя хорошо проявлю, то меня скоро примут.

Я довёл её до мастерской, хотел сказать «до свидания», но она остановилась, начала рыться в кошельке и вдруг протянула мне монету.

— На эти деньги ты сможешь купить себе конфету или книжку, у вас удивительно дешёвые книги.

— Спасибо, мне не надо, — сказал я.

Мне стало так стыдно, что я захотел сразу повернуться и убежать. Но старушка схватила меня за руку.

— Это благодарность, — сказала она тихо.

— Мне не надо, — снова повторил я.

— Хорошо, — сказала она и улыбнулась. — Я сделаю это иначе. У тебя есть чистая бумага?

— Есть, — я даже растерялся, не знал, почему она спрашивает бумагу.

— Сейчас я напишу тебе благодарность на бумаге. Я слышала, у вас так делают, если человек совершает хороший поступок.

— Не надо мне благодарностей! — испугался я.

— Почему? — удивилась старушка. — Моя благодарность поможет тебе скорее стать пионером. Как же мне написать, как же это сделать?

Она продолжала держать меня за руку.

— Ага! — обрадовалась она, — я напишу благодарность на твоей ладони. Покажи ладошку.

Тут я совсем испугался.

Мимо шли люди. И каждый оглядывался. Вот, наверное, воришку поймала бабушка, думали люди. Двое даже

остановились у столба и стали на нас смотреть. И тогда я закричал специально для них, для стоящих:

— Не надо мне благодарности. Я вам помог — и всё, и пустите меня!

И сразу выдернул свою руку и побежал назад, через улицу.

Меня автобус чуть не задавил, потому что я бежал на красный свет. Я уже выбежал на тротуар, а всё не останавливался. Даже оглянуться боялся. Вдруг меня догоняет кто-нибудь.

Только у гостиницы я пошёл шагом...

На другой день ко мне подошёл учитель пения. Я шёл по коридору, вокруг бегали ребята, а он подошёл.

— Саша, как твой папа — здоров? Нога не беспокоит?

Я вздрогнул даже, потому что мало кто знал про папину сломанную ногу.

— Здоров, — сказал я, — спасибо.

Нужно было спросить, откуда он знает папу. А может быть, он маму знает, потому что он — учитель пения, а мама была певицей. Но тут я увидел Чистякова с Четвериковым. Они стояли рядом и всё слышали. Поэтому я снова сказал:

— Спасибо.

И сразу отошёл, опустив голову.

* * *

Сегодня выступления не было.

— Погуляем по городу, — предложил папа.

— Вот хорошо, погуляйте, — обрадовалась мама, — а я отдохну одна.

Я редко хожу вместе с папой. Он в гостинице, я в школе. Потом он на выступлении, я в гостинице.

Мы пошли по незнакомым улицам. Здесь я ещё ни разу не ходил. И один не ходил, и с Чистяковым, и с Четвериковым. На этих улицах росли высокие клёны. Клёны были жёлтые и красные. По воздуху плавали разноцветные листья. Один лист упал на легковую машину и поехал на этой машине в конец улицы. Листья кружились на асфальте, сами собирались в кучу.

Потом мы вышли на узкую улицу с красивыми каменными домами.

— Ты жил на этой улице, — сказал папа, — это мамина улица.

На маминой улице не было даже асфальта. Мимо нас провезли малыша в коляске, и эта детская коляска громко бренчала на булыжниках.

На тротуаре вдоль маминой улицы было много людей с гитарами. Они стояли у парадных, под высокими арками и пели популярные песни.

— Чтобы тело и душа... — пели у одной парадной.

— Весело было нам, — пели у другой.

— Здесь и тогда все пели, — сказал папа. — Такая музыкальная улица. А вот мамин дом, — показал он. — Ты, конечно, его не помнишь... Как раньше, всё как раньше, — повторил он.

Мамин дом был самым красивым на этой улице. У него были широкие круглые окна, как иллюминаторы у кораблей, а на балконах скалили искусственные зубы каменные маски.

Вдруг папа схватил меня за руку.

— Тихо! Взгляни на это окно.

Окно на третьем этаже было открыто. За окном в комнате кто-то пел красивым женским голосом.

— Это какой этаж? — спросил папа.

— Третий.

— Пятое окно справа?

— Пятое.

— Нет, этого не может быть. Это же мамино окно.

Девушку, которая пела в комнате, было не видно из-за занавесок. Но пела она красиво.

— Вернись, вернись, — пела она грустную песню, — тебя я очень жду...

Мы дослушали песню до конца и пошли дальше.

Поперёк маминой улицы стояли большие ворота.

— Под этими воротами мы с мамой проходили всегда, если шли в парк, — сказал папа. — Пойдём в парк.

В парке папа купил мне шоколадку «Алёнка». И я стал разворачивать эту шоколадку.

У кустов стояли двое ребят. Они держали за руку третьего, совсем малыша. Все трое смотрели на мою шоколадку.
— Ещё, пожалуйста, три шоколадки, — сказал папа лоточнице и полез в карман за новыми деньгами.

Потом папа подошёл к ребятам и сказал им что-то. Оба больших стали отказываться, замотали головами, а маленький протянул руки и облизнулся.

Папа вернулся ко мне, и мы пошли по главной аллее.

— Ты хочешь, наверное, на карусели? У меня осталось сколько-то денег...

Я не хотел на карусели. Меня всегда тошнит после них. И на качелях я не люблю кататься из-за этого. А иногда приходится, чтобы не казаться трусом.

— Деревья выросли, — сказал папа. — Здесь и мамино где-то дерево... Я его раньше помнил. Ты не устал? — спросил он потом.

Мы сели на скамейку. Долго сидели. Папа молчал.

Потом мы пошли назад.

— Я давно хотел показать тебе мамину улицу, — сказал папа. — Я ведь и сам не был здесь одиннадцать лет.

— Папа, ты такого Коробицына не знаешь? — спросил я его перед самой гостиницей.

Но папа был занят своими мыслями и не услышал меня. А я не стал спрашивать во второй раз.

* * *

Я шёл по улице, и кто-то крикнул из подворотни:

— Эй!

Я подумал, что это не мне кричат, и не оглянулся.

Из подворотни снова крикнули:

— Ты!

Я оглянулся и понял, что это мне. Трое ребят смотрели на меня, а один, длинный в очках, махал рукой.

Я подошёл, и они сказали:

— Иди к нам четвёртым.

— Куда? — спросил я, потому что опять ничего не понял.

— В козла умеешь?

— В козла?

— В карты. Не умеешь, научим. Пошли, нам четвёртый нужен.

Я играл только в дурака и то редко. Ещё когда я маленьким был, в каком-то городе играл в пьяницу с дежурной по этажу.

И всё-таки я пошёл с этими тремя. Может быть,

оттого, что уважаю людей в очках. Мне всегда кажется: раз в очках, значит, умный.

Они привели меня в комнату под лестницей.

— Наша библиотека-читальня, — сказал длинный в очках.

Никакой библиотеки тут не было, а были две плохие скамейки и кривой кухонный стол.

Ребята сразу сели вокруг стола и стали раздавать карты.

— Будешь играть со мной, — сказал длинный, — я тебя быстро научу.

Я и вправду быстро всё понял, и мы даже выиграли первый кон.

— Райка во двор вышла, — вдруг сказал тот, который раздавал карты, — дадим ей?

— Успеем, — ответил длинный, — доиграем сначала.

— А у нас в классе, — стал рассказывать третий, — сегодня тряпку над дверью привязали. Учительница вошла, а её хлоп на голову тряпка.

— А у нас... — И длинный рассказал про пистоны под партами, как они взрывались.

— А у нас...

Тут все они стали рассказывать, кто какие хулиганские поступки совершил. Только я молчал, потому что нечего мне было рассказывать. Но мне было стыдно своего молчания, и я придумал.

— А я, — сказал я, — я сегодня ведро грязи на чистый пол вылил. Уборщица мыла пол, а я пнул ногой ведро и разлил.

Все трое сразу замолчали и уставились на меня.

— Сам потом убирал? — спросил длинный в очках.

— Нет, конечно. Дурак я, что ли? — сказал я специально грубым голосом, какими говорили они. — Снова начали мыть.

— Дурак. У меня мать уборщицей работает в больнице, она б тебе тряпкой по шее дала.

Я понял, что рассказал не то что-то, и поправился:

— Так я же нечаянно. Споткнулся и пролил. И сам в грязь сел.

— Тогда другое дело, — сказал длинный.

А два других сразу засмеялись.

— В лужу сел, да? Так и сел, да? И мокрые брюки были, да?

Мы играли дальше, и они снова хвастали разными поступками. А потом длинный хлопнул себя по шее и вскрикнул:

— Забыли! Мы закурить забыли!

Он вытащил из-под рубашки мятую пачку сигарет. В пачке были как раз четыре сигареты.

Я никогда в жизни не курил. И папа мой не курил, и мама, и тётя Розалия. И может быть, поэтому, а может, потому, что я вспомнил, что в пионеры вступаю и должен показывать себя с хорошей стороны, но когда мне стали совать четвёртую сигарету и уговаривать закурить, я не взял её.

— Ладно, — сказал длинный, — попросишь сам потом, не дадим.

Они трое зажгли сигареты и важно так закурили, облокотясь спинами о стену. А меня затошнило сразу от их дыма, потому что всегда тошнит от дыма курящих.

— Меня в пионеры скоро примут, — вдруг сказал я.

— Как примут? А ты что, октябрёнок, что ли? — удивился один.

— Он пенсионер, — хихикнул другой.

— Ты в каком классе-то учишься?

— В четвёртом.

— Исключали?

— Нет, — сказал я, — мы с отцом ездим много, поэтому не принимали.

— Врёт он всё. За езду не принимают, что ли? Исключили тебя, сразу видно. — Сказал тот, который раздавал карты первым. — Ведро на чистый пол вылил.

— Притворяется, не курю, говорит. Тихоньким сидит.

— А сами-то, — сказал я обиженно. — Курите, а красные галстуки надели.

— Ты красный галстук не трогай, понял? — сказал вдруг длинный. — Это не твоё грязное дело, раз ты исключённый.

Ты вообще откуда взялся-то? — Он оглядел меня. — Свой ещё, говорит. Пошёл отсюда, понял?

Я не знал, что делать, и не вставал.

— Понял? — повторил длинный. — Его исключили, а он тут ещё скрывается.

— Ну и ладно, — сказал я. Мне изо всех сил хотелось сделать им что-нибудь обидное, но я не знал, что. — Ну и ладно, — сказал я. — В следующий раз позовёте, не приду.

И я вышел из их комнаты под лестницей.

Потом я шёл по улице и оглядывался. Вдруг станут догонять. Но они, наверное, так и остались в своей там комнате.

Про этот случай я никому не рассказал. Ни папе, ни Чистякову с Четвериковым. И тех троих я тоже больше не видел.

* * *

— Если хочешь, я приду сегодня к тебе в гости, — сказал я Марине в школе.

В тот раз она ведь говорила, чтобы я приходил ещё.

— Приходи, — сказала Марина, — зачем?

— Ну... сказки у тебя читаю.

— Приходи, — повторила она.

Маме и тёте Розалии я уже сказал, что задержусь после школы. Они не очень любят, когда я опаздываю к обеду, особенно когда они берут обед в номер и едят «в семейной обстановке».

После уроков мы с Мариной, как и в тот раз, обошли продуктовые магазины. И я снова стоял в очередях. И так же, как в первый раз, в прихожей у Марины было темно.

Но Маринин отец сразу меня узнал.

— Марина? С тобой Саша Карамзин? — спросил он из комнаты.

— Здравствуйте, — сказал я.

— Здравствуй, Саша Карамзин, — ответил Маринин отец.

В этот раз мы не стали пить чай.

— Мы обедаем поздно, когда мама приходит, — сказала Марина.

В первый раз, когда я увидел Марину в большую перемену в столовой, здорово удивился, потому что она ела по две порции.

Марина привела меня в свою комнату.

— Ты правда сказки хотел?

— Хотел, — сказал я.

Марина дала мне несколько книг и ушла на кухню, а я всё думал, как пойти к её отцу и заговорить про моего папу. Можно, конечно, войти просто так и сказать: «Извините, я вас нечаянно обманул. Мой папа не пусконаладчик, он артист Карамзин».

Маринин отец сидел в своей комнате молча. Я не знал даже, что он сейчас там делает. Может быть, спит. Я приду, разбужу его, а он обидится.

— Тебе, наверное, неинтересно, — вошла Марина.

— Почему, мне интересно.

— Сейчас ко мне придут девочки, и я им буду читать, ты домой пойдёшь?

— Да мне ещё рано немного.

— Ну хорошо, — сказала Марина, — только если будет тебе неинтересно, ты сразу уходи.

Скоро зазвенел звонок. И пришли малыши. Те самые, которые в прошлый раз разглядывали меня на лестнице. Они долго раздевались в тёмной прихожей и о чём-то шептались. А я сидел один в комнате.

Потом меня позвала Марина.

Малыши сели близко от Маринино отца, на диван. Они сидели тесно друг к другу. Маринин отец повернул к ним лицо и слушал их разговоры. Я сел на стуле около двери. А Марина принесла себе табуретку с кухни.

Она раскрыла книгу, и малыши сразу замолчали.

Сказка была про страну Гюлистан. В этой южной стране росли розы и жили весёлые люди.

Все слушали сказку внимательно: и отец, и малыши, и я. А Марина знала, наверно, эту сказку наизусть, как я стихи Пушкина. Она часто поднимала глаза от страницы и рассказывала не читая, но в нужном месте переворачивала ту страницу.

Она кончила читать, а мне ещё захотелось послушать. И малыши тоже запросили:

— Ещё, ещё.

А Маринин отец улыбался в своём кресле.

Но Марина закрыла книжку и поставила на стол блюдо с леденцами.

Все стали есть леденцы и рассказывать про какого-то Мишку. Мишка бил всех во дворе.

— И меня бил, — сказала одна девочка.

— И меня тоже бил, — сказала другая.

— Он говорит, ещё Коле с Вадиком дам и хозяином двора стану.

Я хотел вмешаться в разговор, сказать что-нибудь, чтобы не сидеть так и не молчать, и теперь я обрадовался.

— Покажите мне его, вашего Мишку, — сказал я, — он меня запомнит.

Но малыши ничего не ответили. Только Марина молча на меня посмотрела.

— Понравилась сказка? — спросила она, когда малыши пошли одеваться.

— Очень, — сказал я.

Я вышел вместе со всеми. Первая девочка побежала вниз, но вдруг вернулась назад.

— Там Мишка, — сказала она и спряталась за мою спину.

И другие тоже спрятались за мою спину.

Я вышел во двор и увидел Мишку. Это был такой же малыш. Он держал игрушечный пистолет, стреляющий громко пистонами.

— Это ты — Мишка? — спросил я его грозно.

— А чего они меня не берут, — сказал он.

— Не берут, — значит, так надо. А ты их охраняй, понял? Охраняй и оберегай. Я скоро приду, проверю.

Пока я разговаривал с Мишкой, девочки убежали на свою лестницу. Они смотрели на нас в окно.

А в другое окно со своей лестницы на нас смотрела Марина.

— Будь здоров, — сказал я Мишке и протянул ему руку. И он протянул мне свою.

А про папу я так и не узнал.

* * *

На перемене меня отвёл в сторону Носов.

— Слушай, — и он внимательно посмотрел на меня.

Я сразу почувствовал, о чём он меня сейчас спросит. Сделал вид, что и не подозреваю, а на самом деле уже подготовился.

— Слушай, — спросил он, — ты не сын того Карамзина?

— Что ты, — сказал я, делая вид, что и дальше не понимаю, — тот Карамзин жил в прошлом веке. Я точно знаю, он ещё «Бедную Лизу» написал.

Я всегда так сбиваю спрашивающих. Я говорил спокойно, но у меня задрожали от волнения руки — вдруг он поймёт всё сейчас. Или, может быть, всё уже знает. Знает, а спрашивает просто для подтверждения.

Носов удивлённо посмотрел на меня и спросил:

— В каком веке? Я тебя про Карамзина спрашиваю, который артист. Видел афиши: артист Карамзин в маске.

— Артист? — сказал я и сам почувствовал, какой притворный у меня голос. — Он дальний родственник. Раз даже в гости к нам приходил.

Но Носов, видимо, ничего не почувствовал, потому что обрадовался.

— Я же говорил, что не сын, — засмеялся он, — говорил же им. Подслушают, а о чём, и сами не знают, — добавил он про кого-то.

Я не стал спрашивать, про кого, хоть мне это было и интересно.

— А то тебя быстро бы приняли. Дали бы новое поручение — пригласить на сбор отца. Встреча с заслуженным артистом.

«С народным», — чуть не поправил я.

— На сборе бы при отце торжественно приняли. А у тебя отец кто? — спросил он. — Военный?

— Пусконаладчик.

— Ясно, — сказал Носов обрадованно. — Я же говорил. И он от меня отошёл.

* * *

На последнем уроке я сделал страшную ошибку.

Четвериков получил пятёрку по физкультуре, а я забыл поставить её в ведомость. И отдал свою ведомость Помещикову. А он отнёс её после уроков в пионерскую комнату.

По дороге из школы я вдруг вспомнил о четвериковской пятёрке и побежал назад. Но в нашем классе, конечно, никого не было, двери были закрыты, а внутри стояли рядами пустые тихие парты.

На всякий случай я постоял около пионерской комнаты. В комнату входили, а потом выходили взрослые пионеры из седьмых классов, и каждый подозрительно меня оглядывал. А я сразу отворачивался, будто стою здесь случайно.

И я всё боялся, что кто-нибудь скажет мне:

— Какое ты право имеешь стоять около пионерской комнаты?

Носов вчера мне сказал:

— Скоро примем тебя, готовься. Учи торжественное обещание.

А сегодня я сделал такую страшную ошибку.

«Теперь я пропал, — подумал я про себя. — Вот это уж я пропал».

Вечером начнут считать пятёрки по всей школе и обнаружат, что одной не хватает. У Помещикова в ведомости стоит, а в моей — нет.

— Чья эта ведомость? — спросят.

— Карамзина.

— Какого Карамзина? Того, что в пионеры не может вступить? И в прежних школах, наверно, он ошибался, поэтому его и не приняли. Невнимательный, — скажут, — рано его принимать. Пусть так походит, без галстука.

А мы как раз собирались идти покупать галстук. Папа, мама, тётя и я.

Пришлось бы этот галстук спрятать подальше в шкаф, чтоб не задавали лишних вопросов.

А может быть, не заметят, не заметят, что пятёрки нет. Я бы утром сам Помещикову сказал. И он бы потихонечку её подставил. Четверикову тоже нельзя говорить. У него пятёрка и так мало, а я тут теряю их.

— Что плохо ешь? — спросили меня мама и тётя Розалия.

— Я хорошо ем, — сказал я и стал глотать изо всей силы суп, но никак он не проглатывался.

Потом, когда они вышли из номера, я выплеснул суп в туалет.

Ночью мне снилась атомная война. Часто она мне снится. Почему, я и не знаю даже. Ведь я не видел её никогда. Вдруг стало светло и жарко, как под прожектором. И люди, идущие по улице, упали на асфальт, кто где шёл. А усатый швейцар, который всегда стоит у входа в гостиницу, залез на столб...

Я пришёл в школу рано, первым в классе. И всё утро ждал Помещикова.

— Это ерунда на маргарине, — сказал Помещиков, — и не такие ошибки я делал.

— Пойдём, исправим, — попросил я.

Мы пошли на другой этаж и остановились около седьмого класса.

— Ты туда неходи, — сказал Помещиков, — в этом классе одни девчонки. Затащат в класс — и давай щекотать.

— Позовите Пчёлкину! — крикнул он издали в открытую дверь.

Вышла Пчёлкина.

— Пчёлкина, он пятёрку вчера забыл поставить, — показал на меня Помещиков.

— Себе забыл, что ли?

— Четверикову. С нашей колонки. Мне поручили, а я забыл.

— Отличнику, что ли?

— Четвериков-то? — удивился Помещиков. — Отличник наоборот.

— Чего вам надо? — разозлилась вдруг Пчёлкина. — Хотите — ищите свои ведомости, я их сдала.

И она ушла в свой класс.

— Что теперь делать? — спросил я Помещикова.

— Ничего. Всё сделаем.

И Помещиков повёл меня в пионерскую комнату.

— А мне сюда можно? — испугался я.

— Со мной можно, входи.

В пионерской комнате никого не было, но я всё равно старался ступать осторожно. Посередине стоял большой стол, покрытый красным материалом. На стенах висели портреты и фотографии в рамках. Я первый раз в жизни был в пионерской комнате, и поэтому всё внимательно разглядывал. В шкафу лежали пионерские горны, а в углу стояло большое красное знамя, расшитое золотыми нитками.

— Можно, я знамя потрогаю? — спросил я Помещикова.

— Ладно уж, трогай, — разрешил он.

И я потрогал тёплый бархат знамени.

Ещё на стене висела разноцветная карта. На ней был только один город, только одна река, только один лес и только одна пустыня.

— Контурная? — спросил я про карту Помещикова.

— Какая тебе контурная. Это наше пионерское путешествие, понял?

— Путешествие?

— Ты пришёл карты рассматривать или ведомость искать? — сказал Помещиков и оглянулся на дверь.

— Туристский поход, да?

— Лес видишь? Это старт пионерского года. Собрали утиль — значит пересекли пионерскую пустыню.

— А река?

— Реку надо переплыть. Это значит воскресник по посадке деревьев, понял? Вот твоя ведомость.

Всё это время Помещиков рылся в шкафу. В самом низу лежала огромная куча листков, и Помещиков вытащил мой листок из этой кучи. Листкам уже не хватало места на нижней полке, и они переселились выше. Мой список был самым коротким.

— У тебя звеньевая успеваемость, — сказал Помещиков. — А все ведут отрядную. Это тебе поручили, чтобы принять тебя.

— А можно мне пятёрку подставить? — испугался я. — Вдруг всё уже проверили?

— Не хочешь, не ставь, — пожал плечами Помещиков. И пошёл к двери.

Я не хотел оставаться один в пионерской комнате, быстрее взял со стола красный карандаш, написал «Четвериков — 5» и выбежал вслед за Помещиковым.

* * *

— Пошли с нами, — сказали мне Чистяков и Четвериков, — погуляем.

Сегодня как раз меня не ждали, потому что все с утра уехали репетировать новый номер, а я мог ходить по городу весь день до вечера.

Мы бродили по улицам, читали афиши, смотрели, как рыболовы удили рыбу, постояли около стройки нового моста, послушали, как грохает баба, которая забивает в реку сваи.

Потом в небольшом садике мы наткнулись на кучу желудей. И набрали их полные карманы.

Мы пошли дальше и всё искали мишени, чтобы кидать в них жёлуди.

Тут мимо нас прошла девчонка в клетчатом пальто.

— По клетчатым огонь! — крикнул Чистяков и бросил жёлудь мимо неё.

Девчонка притворилась, что не заметила этот жёлудь, и на нас не оглянулась.

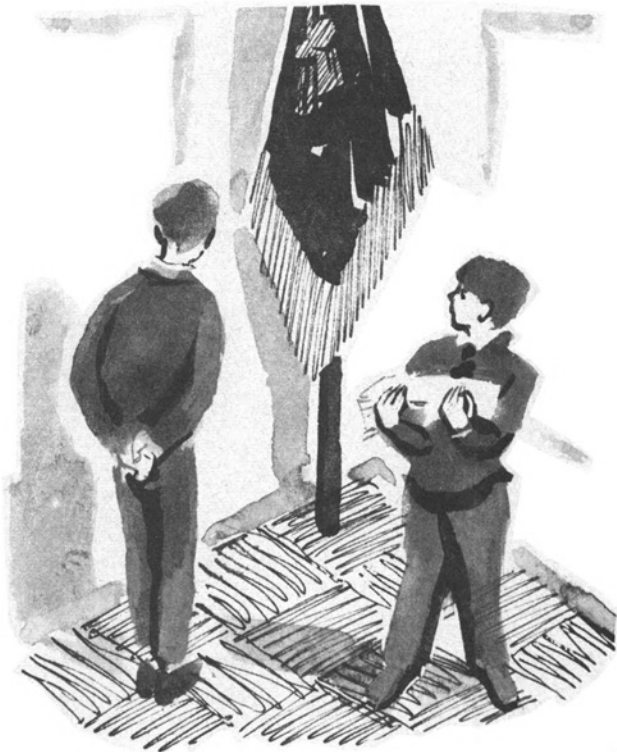
— Огонь! — крикнули мы с Четвериковым. И четвериковский жёлудь попал ей в спину. А мой пролетел мимо.

— Огонь! — крикнул Чистяков. И его жёлудь попал в мусорную урну впереди девчонки.

Девчонка побежала от нас, так и не оглядываясь. Она убежала в парадную и долго оттуда не выходила.

— Ничего, выйдет, — сказал Чистяков, — подождём в подворотне.

Мы зашли в подворотню, и вдруг я увидел Мишку. Того малыша Мишку, который жил в Маринином дворе. И тут я понял, что это же её дом, её парадная и её подворотня. Я повернулся лицом к стене, чтобы Мишка меня не узнал. И вообще мне захотелось идти домой. Только неудобно было

перед Чистяковым и Четвериковым: пошёл с ними гулять и вдруг уходит посреди дороги.

Наконец девчонка в клетчатом пальто вышла из парадной. А вместе с ней из парадной вышла Марина.

— Ура! — закричали Чистяков и Четвериков, выскочили на улицу и кинули в них жёлуди.

А я не кинул. Я выглянул из-за стены и сразу спрятался назад.

— Ура! — снова закричали Чистяков и Четвериков.

А я в это время снова выглянул на улицу.

И тут меня увидела Марина.

Вернее, я даже не знаю, увидела она меня или нет. Просто она оглянулась в тот момент, когда я выглядывал, и сказала:

— Дураки.

И посмотрела на меня так же равнодушно, как на Чистякова и Четверикова.

— Ура, — сказал Четвериков неуверенным голосом, но кидаться не стал.

Они пошли вслед за Мариной и за девчонкой в клетчатом пальто.

А я остался в Мариной подворотне. Я постоял там, отворачивая лицо к стене, а потом пошёл в гостиницу.

В номере было темно. Я зажёл люстру. Всё равно было темно. Я зажёл ещё торшер. Но всё равно было мне темно.

Я вышел в коридор и прошёл по нему до конца. Потом пошёл назад.

— Ищешь что-нибудь, Саша? — спросила дежурная.

Я вернулся к себе и сел читать стихи Пушкина. Но не захотелось мне их читать. Первый раз в жизни.

Потом я лежал на кровати в одежде, хотя за это мама меня ругает. Я лежал и ни о чём не думал.

* * *

Марина не пришла в школу.

«Из-за меня она не пришла, — подумал я, — обиделась и не хочет со мной сидеть».

Я пошёл на перемене к выходу — вдруг она опоздала просто. Но и в перемену она не пришла.

Весь день я просидел за партой один.

И только на последнем уроке узнал, что Марина легла в больницу вырезать гланды, чтобы меньше болеть ангиной.

В этот же день меня Носов спросил:

— Купили тебе галстук родители?

— Купили, — сказал я, хоть на самом деле ещё мы покупать не ходили.

— Завтра принеси. Завтра тебя примут.

Я шёл из школы и вдруг увидел, что прохожие странно на меня смотрят. Я тоже на себя посмотрел и увидел, что я бегу.

Так мне хотелось быстрее всё рассказать папе, маме и тёте Розалии. Я забыл даже, что у них опять репетиция нового номера и вернутся они поздно вечером.

Хорошо, что у меня был рубль и ещё четырнадцать копеек. Так что денег на галстук хватало. Только жаль, что мы не вместе его купим.

В пионерском магазине я сразу увидел галстуки. Кроме них, на витрине стояли барабаны, горны и даже знамёна и выпелы.

— Знамёна тоже купить можно? — удивился я.

— А денег у тебя хватит? — спросила продавщица.

— У нас весь товар продаётся, — сказала другая. — А ты кто? Член совета дружины?

— Нет, меня в пионеры завтра примут.

— Так что ж ты про знамёна... Пожалуйста, выбирай галстук.

Вечером я попробовал галстук примерить перед зеркалом, но никак мне было его не завязать. Я положил его на стол и не ложился спать, ждал папу и маму.

Я так и заснул на стуле, но сразу проснулся, как они вошли, и сказал им про завтра.

Папа сразу сходил за тётёй.

Мама включила утюг и стала гладить мой галстук. Потом она завернула галстук в чистое полотенце, чтоб не помять, и я положил его в портфель.

В школу я принёс галстук в портфеле.

Но в этот день меня не приняли.

Ещё с утра я подошёл к Носову.

— Ты сейчас возьмёшь галстук?

— Зачем? — удивился он.

— Чтоб завязали после торжественного обещания.

Я в кино видел, как его завязывают.

Носов взял галстук. Полотенце я оставил в портфеле.

В перемену Носов понёс галстук из класса, но скоро вернулся.

— Не пришла ещё пионервожатая.

Во вторую перемену он снова унёс мой галстук — и снова принёс назад.

И в третью перемену — то же самое.

— Положи его пока к себе, — сказал он.

Я снова завернул галстук в полотенце и убрал в портфель.

— Вызвали её, старшую пионервожатую, сегодня, а тебя на завтра перенесли, — объяснил Носов.

Я медленно шёл из школы, потому что снова все были на репетиции.

В двух больших термосах на тумбочке стоял мой обед. А на столе лежала новая книга в красивой обложке — «Неизданные стихи Пушкина». Лежала записка от папы: «Дорогой мой сын! Поздравляю тебя...»

Ещё лежала записка от мамы и тёти Розалии: «Любимый Сашенька, мы тебя горячо поздравляем и желаем...»

Я не стал читать, чего они мне пожелали. Сам я сейчас ничего себе не желал.

* * *

Удивительно, сколько сегодня утром людей знали о том, что меня принимают в пионеры!

— Привет, пионер! — сказал усатый швейцар в гостинице.

— Принимают? — спросила гардеробщица в гардеробе.

Даже Носов взял галстук не раздумывая.

Я сидел по-прежнему за партой один. Весь урок я переживал, ждал большой перемены.

На большой перемене в класс вошла старшая пионервожатая.

Все успели вскочить, чтобы разбежаться кто куда, но она загородила дверь.

— Носов, построь отряд на линейку.

Отряд выстроился тремя звеньями между колонок, а я стоял в стороне.

— Ребята, сегодня у вашего класса торжественный день, — начала старшая пионервожатая.

А мне захотелось вдруг улыбнуться. Может быть, потому, что это она про меня говорила, может, просто от радости, что наконец-то я вступаю.

— Саша, подойди сюда.

Я подошёл.

— Ты выучил слова торжественного обещания?

Ещё бы я их не выучил. Я их каждый день повторял по дороге в школу.

— Тогда говори за мной.

И она начала:

— Я, — сказала она.

— Я, — сказал я.

— Александр Карамзин, — сказала она,

— Карамзин, — повторил за ней я.

— Вступая в ряды...

У меня вдруг голос задрожал, так я разволновался. И колено затряслось на правой ноге, и все слова торжественного обещания забылись. Я бы сейчас сам ни одного слова не вспомнил, если бы старшая пионервожатая вдруг замолчала. И на ребят я не смотрел, и вообще ничего в этот момент я не рассматривал, но почувствовал, что стало очень тихо, что все тоже стоит не шевелясь и молча волнуется.

Потом старшая пионервожатая сама повязала мне галстук.

— А теперь, — сказала она, — встань в строй своего звена.

И я встал.

— Карамзин, — сказал мне Носов на последней перемене, — тебе новое поручение.

— С отметками?

— С отметками отменяется. Их всё равно Помещиков ставит. Хочешь пойти к октябрятам?

— Хочу.

— Вместо Коробицыной проведёшь завтра сбор «Люби и знай свой край».

— Я же сам недавно приехал.

— Это тебе первое пионерское поручение, так старшая пионервожатая сказала.

— Сбор — это ерунда на маргарине, — подошёл Помещиков. — В «Пионерском лектории» всё о сборе написано. Читал в газете?

Я не читал в газете «Пионерский лекторий», — наверное, был в это время в Америке, но ничего Помещикову не сказал.

После уроков ко мне подошла незнакомая учительница.

— Ты Саша Карамзин? Завтра ты проводишь сбор у нас в классе. Ты знаешь об этом?

— Знаю.

— Я подобрала для тебя материал. Выучишь дома по плану, а я завтра проверю.

И она дала мне пачку вырезанных из газет заметок, а ещё листок с планом.

У выхода из школы меня встретили папа, мама и тётя. И подарили мне большой букет цветов.

Все ребята шли домой и на нас оглядывались.

Шарф я нарочно надел так, чтобы виден был мой галстук.

Папа, мама и тётя проводили меня до гостиницы. По дороге я показал им вырезки о родном крае.

— А ты успеешь выучить? — испугалась мама.

— Теперь он у нас всё успеет, — сказала тётя Розалия.

После обеда я разложил вырезки по плану и выучил своё выступление.

Утром учительница встретила меня в раздевалке. Хорошо, что не пришлось искать её в учительской. Я не люблю

ходить мимо учительской, — всё кажется, что учителя на тебя смотрят. Я даже опускаю голову, когда мимо прохожу.

— Выучил? — спросила учительница.

Мы пошли в конец коридора, где был запасной выход. И там она меня проверила.

— Молодец, хорошо запомнил, — похвалила она, когда я всё рассказал.

Меня отпустили на сбор с четвёртого урока, с физкультуры.

На всех партах сидели малыши со звёздочками и внимательно на меня смотрели. Один даже привстал, чтобы лучше разглядывать.

— Вместо Марины у вас будет Саша, — сказала учительница и подвела меня к столу. — Он расскажет вам про родной наш край.

— Наш край очень интересный, — начал я, — и красивый.

— Я выйду на минутку, — шепнула учительница и вышла.

— Его надо знать и... — тут я забыл слово. Мне всё напращивалось «уважать», но я понимал, что это не то. — И помнить, — сказал я.

На первой парте сидел мальчик в очках, с виду очень умный.

— Какие книжки ты читал о родном крае? — спросил я его.

Мальчик сразу вскочил.

— Мы не читали. Мы букву фэ проходим, — сказал он.

Тут я увидел, что на средней колонке подняла руку девочка.

— Что ты хочешь? — спросил я. И девочка встала.

— А где Марина? — спросила она.

— Марина лежит в больнице. У неё вырезают гланды.

На другой колонке подняли руки сразу двое.

— Вы тоже спросить хотите?

— Почему Марины нет? — спросил один.

— Сегодня Марина будет? — спросил другой.

— Я же сказал, у Марины вырезают гланды в больнице. Чтобы не болела ангиной.

Тут поднял руку четвёртый.

— Ты тоже про Марину?

— Можно выйти? — сказал он тихим голосом.

— Нельзя, — сказал я, — садись на место.

Он сел и сразу заплакал. На парту положил руки, на руки — голову и тихо заплакал.

— Ерофеев сейчас напишет, — поднялась его соседка.

— Он часто писается, — сказали из другого угла.

— Ну иди, только быстрее.

И он сразу побежал из класса.

Больше вопросы не задавали, и я стал рассказывать о родном крае.

Вдруг я заметил, что одна парта пустая. Никого на ней нет. Только что сидели, а уже нет.

— Где эти двое? — спросил я, не отходя от стола, потому что на столе у меня лежал план.

— Мы под партой сидим, — отозвались они.

— Вылезайте сейчас же.

— Они всегда под парту лазают, — сказала девочка, которая первой спросила про Марину.

— Хи-хи, — отозвались из-под парты.

И вдруг все полезли под свои парты. Даже тот умный в очках выглядывал перед самым столом.

— Вылезай, слышишь! — сказал я ему.

— А вот и не вылезем, — пискнул кто-то.

— Мы тебя поборем, — сказал другой.

— Вылезайте же, — сказал я.

Я не знал, что теперь делать.

Сейчас войдёт учительница и увидит, какой у меня получился сбор. И расскажет старшей пионервожатой.

Учительница вошла.

И сразу все оказались на своих местах, даже встали, когда она закрывала двери. А из-за её спины выглядывал тот, что просился выйти.

Стало тихо, и вдруг зазвенел звонок. А я ещё не дошёл до конца рассказа.

— Интересно рассказывал Саша? — спросила учительница.

И ребята тихо, на разные голоса ответили:

— Интересно.

— Хорошо они себя вели? — спросила учительница у меня.

И я увидел, как все насторожились, стали слушать, что я отвечу.

— Хорошо, — сказал я, — все внимательно слушали.

— Так интересно вам было? — ещё раз спросила учительница.

И класс дружно в один голос сказала

— Интересно!

А я ведь не всё им рассказал. И поэтому мне было стыдно.

— Ты не расстраивайся, Саша, — сказала учительница, когда я вышел в коридор следом за ней, — они тебя любят, только не сразу, и сначала помучаться надо.

— Ты к нам ещё приходи, — догнал меня первоклассник в очках, — мы каркать будем учиться, у нас не все «рэ» выговаривают.

* * *

В наш класс пришла инспектор.

Она села на последнюю парту и просидела там весь урок. Я иногда оглядывался и видел, как она что-то пишет в свой толстый блокнот.

На перемене она оставила блокнот и красивую шариковую ручку на парте, а сама вышла в коридор.

Приходим после перемены в класс, а ручки у неё на парте нет.

Она ещё не вошла, и учительница не вошла тоже, а мы уже заметили, что пропала ручка.

Первым заметил Помещиков. Он хотел что-то отметить в списке инспекторской ручкой.

— Кладите ручку, эй! — крикнул Носов, — Кто ручку взял?

Все оглядывались друг на друга — и никто не признавался.

А мне показалось, что все смотрят на меня. Хотя я и не брал ручку, не трогал даже. Но всегда, когда происходит что-

нибудь и ищут потом виноватого, мне кажется, что подозревают меня. И я уже сам чувствую себя виноватым. И веду себя странно. То вдруг засмеюсь без причины, то наоборот, не смотрю в глаза.

Так и сейчас было.

— Вот же ручка! Вот она! — закричали вдруг Чистяков и Четвериков и показали на парту Феофанова.

Феофанов сопел и даже не стал нагибаться, чтобы проверить.

Четвериков сам слезал к нему под парту и достал ручку. Это была та самая восьмицветная инспекторская ручка.

Четвериков положил её на место, и в это время вошла учительница, а за нею и инспектор.

* * *

Класс решил бить Феофанова. После уроков. Феофанов сопел на своей парте впереди меня, как будто ничего не знал. Он не доказывал, не спорил. Он просто молчал.

— Дадим мы тебе сегодня! — показывали ему кулак многие.

— А может, сама она укатилась, эта ручка? — сказал я Помещикову.

— А ты не лезь, — сказал Помещиков. — Мы не трогаем тебя, и ты не путайся.

— Ну, сегодня будет, — говорил Чистяков.

— Тенц-бемц, — поддакивал Четвериков.

На перемене Феофанов сидел, наклонив голову, и ни на кого не глядел.

Я хотел подойти к нему, сказать что-нибудь, но не знал, что.

— Феофан, дай линейку, а? — сказал я.

Феофанов посопел, полез в парту и вытащил линейку. Не сказал мне ни слова.

— Феофан, слышишь, не ты же это, а?

— Ну и что? — сказал Феофан. И снова замолчал.

После уроков я не пошёл вместе со всеми, а задержался в раздевалке. Феофанова окружили и повели в боковой двор. Это было хорошо видно из окна.

Я вдруг вспомнил, что его линейку оставил в парте, и стал подниматься по лестнице на свой этаж.

Навстречу спускались наша учительница и инспектор.

— Ты что, Саша? — спросила учительница. — Что ты забыл?

— Феофанова бьют, — сказал я вдруг сам неожиданно для себя.

— Кого бьют? — насторожилась инспектор.

— Это они играют, Саша? Мальчик, — учительница повернулась к инспектору, — такой у меня в классе мальчик, Феофанов.

— Нет, бьют. Вон в окно видно.

В окно сверху было видно ещё лучше. Тесной группой стояли ребята и несколько девчонок. Через двор от школы к ним подбегали ученики из других классов.

— Подождите! — сказала инспектор и побежала к заучу.

— Что ты наделал! — махнула рукой учительница и побежала вниз.

Я видел, как она бежала через двор. А потом она повела назад Феофанова. А все ребята шли за ней кучей.

* * *

Утром я пришёл в школу и почувствовал, что никто со мной не разговаривает. На меня даже внимания не обратили, когда я вошёл. Все смеялись, бегали по классу, а на меня не глядели.

Я решил выйти в коридор, и в дверях меня толкнули Чистяков с Четвериковым.

— Ты, циркуль, ещё толкается, — сказали они, посмотрев на меня чужими глазами.

Циркулем меня никогда никто не называл. И вообще я не люблю прозвища. Всю перемену я переживал это слово.

После другого урока я остался в классе. Я сидел ни на кого не глядя, и вдруг ко мне упала мокрая тряпка, прямо на парту, чуть в лицо не попала.

— Не кидайся, — сказал Носов, — а то он жаловаться побежит.

— Сразу побежит, — сказали Чистяков и Четвериков.
— Ему что, опозорил честь класса — и рад.
— Я не опозорил, — сказал я.
— Ты лучше затихни, — сказал Помещиков. — Ещё в пионеры приняли. Возьмём и выгоним назад.

— Выгоним, — подтвердил Носов.

И я чуть не заплакал, но мне удалось сдержаться.

— В торжественном обещании нельзя драться, — сказал я и сразу понял, что получилось глупо. Получилось, как в тот раз, когда меня позвали четвёртым.

— Чего? — удивились все. — Ты торжественное обещание не трогай. Глупости тут болтает разные.

— А что вы к Феофанову лезли?

— Это тебя не касается. Правда, Феофан?

Феофанов посопел впереди меня и сказал:

— Правда.

Такого ответа я от него не ожидал. И больше ни с кем в классе я не разговаривал.

И учительница не смотрела на меня сегодня.

А после уроков к нам заглянула старшая пионервожатая.

— Носов, — сказала она, — собери мне совет отряда.

«Ну вот, — подумал я, — будут меня исключать».

Я шёл из школы, и людей на улице было мало, потому что начался дождь. Я шёл под дождём не прячась и думал грустные мысли.

* * *

Около Марининой больницы я оказался случайно. Шёл по улице, и вдруг меня кто-то позвал:

— Саша!

Я стал оглядываться, но никого не заметил. Никто меня не звал, просто послышалось.

Потом посмотрел на дом, а там написано: «Детская больница».

И я решил зайти. Всё равно в этой школе я учусь уже последние дни и Марину больше уж не увижу.

— В каком отделении моя сестра, Коробицына, лежит? — спросил я в справочном окошке.

— В хирургическом.

И я написал на листке из тетради записку. Всё равно скоро уедем и в новой школе будет новая тетрадь.

«З д р а в с т в у й, М а р и н а!

Марина, я тогда на улице стоял нечаянно и кидаться не хотел. То есть я не совсем нечаянно. И я прошу у тебя прощения. А с Чистяковым и Четвериковым я теперь не разговариваю. Марина, я скоро уезжаю, мой папа говорит, что Коробицын — фамилия ему знакомая. Когда ты выпишешься? До свидания.

С а ш а К а р а м з и н»

Я перечитал записку и вычеркнул про Чистякова и Четверикова. А внизу дописал: «Скорей выписывайся».

Потом я решил, что к записке обязательно надо купить конфеты.

Напротив был магазин, и я купил там сто граммов конфет «Ну-ка отними!».

Но в справочном окошке мне сказали:

— Передачи не берём сегодня, мальчик. Только записки. Хорошо, что я про конфеты в записке не написал.

Из больницы я пошёл прямо в гостиницу. И съел все конфеты по дороге.

* * *

Папа ещё давно говорил, что нас собираются вызвать в Москву и послать на гастроли в Монголию.

За эти дни я совсем забыл и о Москве, и о Монголии.

Со мной никто не разговаривал в классе. Я приходил, сидел за партой один, в перемены молча уходил, ел в буфете завтрак. Снова сидел на уроке.

На третий день после того случая в коридоре повесили «Молнию». «Вчера ученик Феофанов затеял драку...» — вот что было там написано. Хотя драка была не вчера, а позавчера. И ещё большими чёрными буквами: «Позор классу!»

Все эту молнию читали, а некоторые смотрели в мою сторону, хотя про меня ничего там написано не было.

Папа несколько раз спрашивал, что у меня случилось. Но я говорил, что ничего, и показывал в дневнике пятёрки.

Из пионеров решили меня не исключать. То есть об этом вообще ничего не решали. А на том совете отряда говорили о субботнике, чтобы перейти пионерский перевал.

Иногда я ходил один по улицам. Однажды я встретил Чистякова и Четверикова. Мы прошли навстречу друг другу отвернувшись.

Все эти дни на улице шёл дождь. Брызги стучали по окну и влетали в открытую форточку. И асфальт, и стены домов, и машины, и прохожие — всё было мокрым. Поэтому я сидел больше в номере один и читал стихи Пушкина.

* * *

Сегодня я шёл в эту школу в последний раз.

Ночью похолодало. Замёрзли лужи. Тяжёлые лохматые снежинки летели мне навстречу. Они сразу таяли на лице. А некоторые снежинки влетали в рот и падали на язык.

Деревья около школы стояли совсем голые.

Скоро я буду в новой школе. . .

Меня спросят:

— Ты пионер?

— Пионер, — скажу я.

Даже и спрашивать не будут. Сразу увидят галстук.

В классе, как и во все эти дни, я сел за парту, ни с кем не разговаривая. Стал листать учебник.

Вдруг ко мне подошёл Помещиков.

— Ладно, — сказал он, — ты ведь нечаянно. Ты у нас новый.

Я молчал.

— Уезжаешь? — спросил он. — Скоро?

Он спросил так, будто ничего не случилось, будто я не опозорил честь их класса.

— Послезавтра, — ответил я. — А откуда ты знаешь?

— На афишах-то написано.

Оказывается, он всё про меня знал. И весь класс, наверно, тоже знал про меня.

— Куда поедете? — спросил Помещиков.

— В Москву, а потом в Монголию.

— Повезло, — сказал он и отошёл.

После него все со мной стали разговаривать, как когда-то раньше.

— Пошли в буфет сосиски есть горячие, — сказали мне Чистяков и Четвериков.

— Слушай, а ты чего врал, что в Америке не был? Ты ведь был в Америке? — спросил Чистяков в буфете.

— Был.

— Миллионеров видел?

Я хотел сказать, что почти ничего я не видел, потому что простудился и, пока папа и все ездили на гастроли, я лежал в номере и сосал лимоны.

Но Чистякову сказал:

— Конечно, видел.

На последней перемене ко мне подошёл Носов.

— Слышишь, ты пиши. Передай привет монгольским школьникам. Только пиши, ладно? — повторил он.

И я решил, что обязательно напишу. Конечно же, напишу им прямо в школу. Так и напишу на конверте: «Всему классу».

* * *

А потом я увидел Марину. Сначала я подумал, что обознался. Я сидел у окна и увидел, что она идёт вдоль гостиницы. Она дошла до угла и повернула назад.

Она несла кочан капусты в сетке.

Я не стал надевать пальто, а прямо выбежал из гостиницы.

Марина шла мне навстречу и улыбалась.

И я тоже улыбнулся. Так мы постояли несколько минут, ничего не говорили, а только улыбались.

Мимо прошла бабка с большой сумкой и толкнула этой сумкой нас обоих.

— Улыбаются посреди дороги, — сказала она.

— Давай я капусту подержу, — сказал я.

— А мне мороженое можно есть, — сказала Марина, — и холодный квас пить можно

А я вдруг подумал: откуда это она знает, что мы живём в гостинице?

Но она вдруг перебила меня:

— Приходите к нам завтра. Папа вас давно ждёт. И вашу маму и тётю Розалию.

— А меня в пионеры приняли, — сказал я, — видишь галстук?

Я говорил что-то совсем не то.

— Да, я знаю, — отвечала Марина. — Я всё про тебя давно знаю. — Тут Марина взглянула на часы у гостиницы. — Ой, как я опаздываю! Опять я опаздываю!

И она побежала по улице. Я хотел вернуться в гостиницу, потому что дул ветер и я вдруг почувствовал, как я замёрз, пока стоял здесь без пальто. Но у двери я почему-то остановился и стал смотреть, как Марина уходит. Люди задевали меня своими портфелями, я отодвигался и продолжал смотреть. Один раз Марина оглянулась и помахала мне рукой. Или мне показалось. Я всё-таки тоже помахал ей на всякий случай.

* * *

— Почему же ты не сказал об этом раньше! — заволновался папа, когда я рассказал ему про Маринино отца. — Это же мой школьный друг Василий. Вася Коробицын! Два месяца жить в одном городе и не знать!

— Мы тоже хороши! — удивлялись мама и тётя Розалия. — Столько раз Саша называл нам эту фамилию!

Нужно было укладывать вещи, а папа ходил по комнате от стены к стене.

— Я не могу спать. Спать спокойно, когда рядом, здесь Вася! — повторял папа.

Он разбудил нас рано и всё утро торопил.

Наконец я повёл их на Маринину улицу.

— Я так виноват, так виноват, что потерял его, — говорил папа дорогой.

На Марининой улице мы зашли в кондитерский магазин. Мама выбрала там огромный торт.

— Этот дом? — спросил папа о ближайшем доме около магазина.

— Нет.

Мы шли дальше.

— Этот?

— Нет.

— Этот?

Это был Маринин дом. Около дома стоял Мишка с игрушечным пистолетом. Меня он не узнал. Рядом играли малыши, а он охранял их с важным видом.

— Я их охраняю, — сказал он маме, — и оберегаю.

Папа, не ожидая нас, побежал по лестнице.

Когда мы поднялись на Маринину площадку, дверь в квартиру была открыта, в прихожей горел свет, а из глубины комнаты мы услышали радостные голоса моего папы и Маринино отца.

СОДЕРЖАНИЕ

ДРУГАЯ ОСЕНЬ	3
НЕ ХОЧУ ОТ ВАС УЕЗЖАТЬ	69

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Воскобойников Валерий Михайлович

ДРУГАЯ ОСЕНЬ

Ответственный редактор Н. Л. Страшкова. Художественный редактор В. В. Ку-
приянов. Технический редактор З. П. Кореньюк. Корректоры К. Д. Немик-
ская и Л. К. Малайко. Подписано к набору 5/II 1969 г. Подписано к печати
6/V 1969 г. Формат 70×92/16. Бум. № 2. Печ. л. 8. Усл. печ. л. 9.36. Уч.-изд. л. 6.52.
Тираж 100 000 экз. ТП 1969 № 218. Ленинградское отделение ордена Трудового
Красного Знамени издательства «Детская литература» Комитета по печати при
Совете Министров РСФСР. Ленинград, наб. Кутузова, 6. Заказ № 519. Фабрика
«Детская книга» № 2 Росглавополиграфпрома Комитета по печати при Совете
Министров РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7. Цена 32 коп.

